Ю. К. СУББОТИН

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАИНСТВА

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Ю. К. СУББОТИН

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАИНСТВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1990

ББК 86.372
С89

Субботин Ю. К.

С89 Православные таинства.— М.: Политиздат, 1990.— 111 с.: ил.— (Беседы о мире и человеке).
ISBN 5—250—00775—9

В книге рассказывается о том, как возникли и для чего служат главные обряды православия — «таинства». Показывается, что истоки «богоучрежденных» культовых действий лежат в первобытной магии, с помощью которой наши далекие предки пытались вступить в общение со «сверхъестественными силами» грозной для них природы. Раскрывается социальная роль таинств в царской России, и приводятся примеры их современной модернизации.

Предназначена для массового читателя.

С $\frac{0403000000—238}{079(02)—90}$ 89—90 **ББК 86.372**

ISBN 5—250—00775—9

ОТ АВТОРА

В романе «Воскресение» Лев Николаевич Толстой описывает церковный обряд, совершающийся в православной церкви. «...Священник,— пишет он,— одевшись в особенную, странную и очень неудобную парчовую одежду, вырезывал и раскладывал кусочки хлеба на блюдце и потом клал их в чашу с вином, произнося при этом различные имена и молитвы... Содержание молитв заключалось преимущественно в желании благоденствия государя императора и его семейства... Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью.

— «Изрядно о пресвятой, пречистой и преблагословенней богородице»,— громко закричал после

этого священник из-за перегородки, и хор торжественно запел, что очень хорошо прославлять родившую Христа без нарушения девства девицу Марию, которая удостоена за это большей чести, чем какие-то херувимы, и большей славы, чем какие-то серафимы. После этого считалось, что превращение совершилось, и священник, сняв салфетку с блюдца, разрезал серединный кусочек начетверо и положил его сначала в вино, а потом в рот. Предполагалось, что он съел кусочек тела бога и выпил глоток его крови. После этого священник отдернул занавеску, отворил середние двери и, взяв в руки золоченую чашку, вышел с нею в середние двери и пригласил желающих тоже поесть тела и крови бога, находившихся в чашке... Священник унес чашку за перегородку и, допив там всю находившуюся в чашке кровь и съев все кусочки тела бога, старательно обсосав усы и вытерев рот и чашку, в самом веселом расположении духа, поскрипывая тонкими подошвами опойковых сапог, бодрыми шагами вышел из-за перегородки.

Этим закончилось главное христианское богослужение».

Обряд, описанный Л. Н. Толстым, называемый в православии «таинством причащения»,— главный из семи христианских таинств, участие в котором обязательно для каждого православного верующего.

В царской России, где православие было объявлено государственной религией и насаждалось самодержавием, любому было понятно, о чем писал Л. Н. Толстой. Но в нашей стране сейчас уже не всякий верующий, а тем более неверующий знает, что такое «таинство», с какой целью священником производятся манипуляции, описанные в приведенном отрывке. Незнание культовой стороны православия приводит иногда к тому, что верующие, при поддержке священнослужителей, пытаются выдавать некоторые

религиозные обряды православной церкви за русские национальные обычаи.

В связи с подготовкой к юбилею и празднованием в 1988 году русской православной церковью 1000-летия введения христианства на Руси, православное духовенство, учитывая громадный интерес к этому событию со стороны международной и советской общественности, особый акцент делало на роли православия в становлении и развитии русской культуры и роли русской православной церкви как хранительницы традиций русского народа.

Содержание культуры, которую несет православие, наиболее ярко проявляется в христианских таинствах, которым и посвящена эта книга. Духовенство придает большое значение их соблюдению верующими как средству активного влияния на духовную жизнь людей. Исполнение православных обрядов, особое место среди которых занимают таинства, создает у верующего иллюзию личной связи с богом. В результате социальная активность верующих подменяется активностью религиозной.

В этой книге автор попытался рассказать о том, как возникли религиозные обряды, называемые в христианстве таинствами, что означают те или иные действия священников и верующих, чтобы читатель получил представление о действительном содержании этих религиозных обрядов, смог разобраться в том, что собой представляют таинства православия, какую роль они играют в православном культе, каково их действительное содержание.

Для человека, в уме которого вложено, как священная истина, верование в сотворение из ничего мира 6000 лет тому назад, в потоп и ковчег Ноя... в троицу, в грехопадение Адама, в непорочное зачатие, в чудеса Христа и в искупительную для людей жертву его смерти,— для такого человека требования разума уже не обязательны...

Л. Н. Толстой

Таинство... Уже в самом этом слове чувствуется что-то необычное, действующее на воображение. Не тайна, а таинство... Таинство жизни... рождения... смерти. Слово не вяжется с чем-то обычным, повседневным, привычным. Что же это такое — таинство? Какой смысл вкладывает в это слово, в частности, православие, называя некоторые свои обряды таинствами? В чем состоит отличие таинства от обычая, обряда, традиции? Давайте попробуем разобраться в содержании этих понятий.

Начнем с обычая. Каждый человек не один раз

с своей жизни встречается с обычаями в разной их форме. Обычаи могут быть семейными, национальными, народными и т. п. в зависимости от сферы их распространения. Но в любом случае обычай связан с коллективом и отражает что-то важное для группы, соблюдающей его. Проявляется обычай в том, что какие-то действия люди выполняют определенным образом, по определенным правилам. Эти правила нигде не записаны, они передаются от поколения к поколению. Люди следуют им добровольно, часто по привычке. Можно заметить, рассматривая обычаи, что они касаются поведения или действия людей, которые повторяются при определенных условиях или обстоятельствах. Человек даже не всегда отдает себе отчет, почему он поступает в определенных случаях именно так, а не по-другому. Или же объяснит, что так обычно поступают все люди при таких же обстоятельствах, и может удивиться, что кто-то делает это не так, не знает обычая. Когда и как возникли обычаи? По-видимому, их появление связано с начальными ступенями становления человеческого общества. В каких бы различных условиях ни проходила жизнь наших первобытных предков, при всей сложности и многообразии этих условий зачастую возникали сходные, повторяющиеся ситуации.

В трудовой деятельности, при формировании отношений между членами рода, а затем племени создавались положения, которые можно было решить разными способами. Первоначально, по-видимому, каждый раз в определенной ситуации люди действовали по-разному. Но после нескольких повторений они заметили, что каким-то приемом или способом необходимый результат достигается лучше, быстрее. И затем использовали этот прием или способ как наиболее целесообразный. Появились стереотипные, стандартные действия, которые использовались каж-

дым членом рода. Так складывался обычай. Очевидно, что обычай касался действий, имеющих определенное значение для коллектива. В форме обычая накапливался социальный опыт, который передавался от поколения к поколению. В то же время обычай закреплял в действиях только то общее, что было необходимо для достижения результата, допуская некоторые изменения, соответствующие конкретной обстановке.

Следовательно, обычай — это обобщенный опыт, включающий общепринятые способы и приемы трудовой или иной социальной деятельности коллектива, которые применяются в определенных повторяющихся условиях и обеспечивают наиболее целесообразное достижение результата. Поэтому обычай выполняет нормативно-регулирующую роль в конкретном коллективе, в котором он выработался. С изменением условий жизни общества отдельные обычаи изменяются или исчезают, появляются новые обычаи, учитывающие эти изменения. Таким образом, обычаи отражают определенный уровень отношений людей к природе, обществу, друг к другу, поскольку касаются каких-то важных для общества сторон и явлений жизни. Передаваясь от поколения к поколению, обычаи в своей совокупности принимают форму традиций. В свою очередь, традиции входят как составной элемент в культуру общества и несут на себе отпечаток этой культуры. Обычай отражает национальные, профессиональные и другие особенности общественной деятельности людей и поэтому не имеет четких единых форм, а выражает, закрепляет только общие стороны действия или поведения, в рамках которых могут проявляться особенности его конкретного существования.

Нужно отметить, что обычай всегда относится к какой-то конкретной деятельности, в нем присутствует

предмет деятельности, определяющий поведение или действие людей, и результат, которого хотят достигнуть. Так, первобытный охотник обычно использовал определенные приемы маскировки и поведения при охоте, чтобы поближе подкрасться к животному. Или два племени при встрече складывали оружие, если у них мирные цели, или же, наоборот, приводили его в боевое положение, выражая этим враждебное отношение друг к другу. В первобытном обществе обычай регламентировал отношения между членами рода или племени в конкретных случаях, важных для всего племени. Со временем он приобретает все большую общественную значимость, его нарушение влечет наказание. Если когда-то обычаи охватывали все стороны жизни, проявлялись и в хозяйственной и в социальной сферах, особенно в сельском хозяйстве, то со временем, с проникновением технического прогресса в хозяйственно-экономическую жизнь он все больше становится элементом, регламентирующим отношения между людьми, их поведение в тех или иных общественных ситуациях.

Необходимо отметить, что с появлением классов обычаи стали отражать и классовые отношения. Каждый класс выражал в обычаях свое отношение к представителям своего и других классов. Содержание обычаев переосмысливалось, принимало в различные периоды истории новые формы.

Так, выражение дружественных намерений у воинов сначала проявлялось в том, что при встрече они поднимали забрала своих шлемов, открывая лицо, затем стали снимать шлемы с головы, а сейчас прикладывают руку к головному убору — отдают честь друг другу. Феодал же заставлял крестьян снимать шапки при встрече и склоняться перед ним, выражая этим свою покорность ему. Известно, что в боярских домах на Руси двери делались ниже

роста человека, чтобы входящий невольно поклонился хозяину.

С расслоением общества обычаи начинают соответствовать классовым представлениям различных по социальному положению слоев. В произведениях писателей-классиков можно найти большое количество примеров этому. Так, по-разному приветствуют друг друга при встрече представители различных классов: объятия, поклон, снятие или приподнимание головного убора, рукопожатие, целование руки и т. п. Все эти действия выражают одно и то же содержание: один человек проявляет уважение к другому. Но, как видим, это может быть выражено различными действиями, обычными для данной группы людей. Уже по форме приветствия можно было судить о том, к какому классу или слою общества принадлежат люди: дворяне, чиновники, купцы, крестьяне, рабочие.

Когда-то любой обычай, те действия, которыми он сопровождался, определялись реальными условиями жизни. Затем первоначальные причины, породившие некоторые обычаи, исчезали, а сам обычай продолжал сохраняться как традиция. При этом действия, производившиеся при его исполнении, получают символическое значение. Обычай превращается в обряд.

Обряд, в отличие от обычая, не имеет непосредственной практической направленности. Он лишь обозначает какое-то важное для людей событие или явление общественных отношений, закрепленное в виде традиционных действий людей, посвященных этому событию. Действия, которые люди выполняют при соблюдении обряда, когда-то имевшие практическое значение, становятся символическими. Они вызывают у них представление о том, какой результат имели эти действия, когда они имели практическое значение. Действие часто производится без того предмета, на который оно направлено, но каждый участ-

вующий в обряде знает, что оно должно обозначать.

Символический характер обряда приводит к тому, что основная часть действий, определяющая его значение, закрепляется в установленной форме. Возникает часть обряда — ритуал, в котором действия и их порядок строго определены. Например, в свадебном обряде, который символизирует объединение двух любящих людей в семью, при всем различии форм проведения свадебного торжества обязательна ритуальная часть, само бракосочетание, которое производится в определенной обществом форме. Таким образом, обряд представляет видоизмененный обычай, в котором существует строго определенный набор и порядок действий, выражающих какое-то важное для людей общественное явление или событие в символической форме, закрепленной традицией. Символическим может быть как объект действия, так и само действие.

В состав обряда могут входить и элементы целесообразного характера, действия, реально отображающие содержание обряда. Но они не играют определяющей роли для обряда, подчинены ритуальной его части, дополняют ее.

Обряд всегда связан с эмоциональным отношением к нему участвующих, поскольку он должен возбудить в них соответствующие чувства. Очевидно, что на свадьбе люди веселятся, радуются счастью молодых, на похоронах — скорбят и т. п. Обряд, без эмоционального отношения к нему, выглядит как совокупность бессмысленных, непонятных действий, например если человек не знает, какое символическое значение имеют предметы или действия во время совершения обряда. Поэтому и создается ритуал, знакомый каждому члену данного общества с детства и вызывающий у него определенное эмоциональное переживание, настроение.

Обряд выполняет социальную функцию со времен далекого прошлого человечества, сплачивая воедино определенные группы людей, отражая наиболее значимые моменты в жизни коллектива. В обряде каждый участвующий приобщается к жизни коллектива, сопереживает вместе с ним то событие, которое лежит в его основе, осуществляет связь между его участниками. Во многих случаях обряд имеет нормативно-регулирующую функцию, отражая ценностные представления коллектива или общества, закрепляя их в содержании обряда. Закрепляются и отношения между людьми. Это могут быть отношения межличностные, когда один человек с помощью обряда закрепляет отношение с другим: бракосочетание, усыновление и т. п.; отношения между человеком и группой людей, когда событие из жизни конкретного человека отмечается его родными и друзьями, или коллективом, с которым он связан по работе: день рождения, юбилей, совершеннолетие и т. п. Такие обряды придают личным событиям общественное звучание, утверждая единство личности и коллектива.

Особое место среди обрядов занимают обряды религиозные. От социально обусловленных гражданских обрядов они отличаются тем, что их объектом являются сверхъестественные силы, якобы влияющие на жизнь человека. Бессилие человека перед стихийными силами природы, определявшееся низким уровнем социально-экономических условий жизни общества, порождало у первобытных людей представление о наличии в природе сверхъестественных сил, олицетворяющих природные стихии, враждебные или, наоборот, полезные для человека. Как показал Г. В. Плеханов, обряды или культовые действия являются обязательным элементом любой религии. С момента появления в первобытном обществе религиозных представлений, которые выражались в вере в су-

ществование неведомых сил, способных влиять на жизнь человека, возникла необходимость воздействовать на эти силы.

Первыми способами такого воздействия на сверхъестественные силы, которыми человек населил окружающий мир, были магия и колдовство. С помощью различных магических действий люди, как они думали, вступали в связь с этими силами и подчиняли их себе, пытаясь включить в свою практическую деятельность. Перенося в сверхъестественный мир черты мира реального, люди наделяли эти силы человеческими свойствами и вступали с ними в иллюзорно-практические отношения, которые выражались в специальных действиях, с помощью которых злые силы укрощались, а добрые привлекались в помощь. Обычаи, связанные с практической деятельностью людей, отрывались от своей реальной основы и превращались в обряды, символически отражавшие первоначальную причину производимых во время исполнения обряда действий.

Так, на наиболее ранних стадиях первобытного общества охотники перед охотой как бы разыгрывали процесс охоты. Как говорят сейчас, они проводили тренировочные учения, во время которых каждый охотник отрабатывал свои действия во время предстоящей охоты и взаимодействие с другими. Кто-то из опытных охотников изображал животное, а остальные как бы охотились на него. При этом осуществлялось обучение молодых участников предстоящей охоты приемам и совместной деятельности. Затем реальные приемы охоты, которые повторялись каждый раз, становятся привычными, теряют свое конкретное значение и превращаются в магические действия. Они уже не отражают их действительную роль в процессе охоты, а являются частью определенного ритуала, набора действий, который должен чудесным, сверхъестественным способом подействовать на

объект будущей охоты и заставить его дать себя убить. Реальные действия превращаются в обычай, а затем в обряд, в набор символических ритуальных действий. Люди верят, что чем точнее они исполнят обряд, тем сильнее будет его сверхъестественное действие. Возникновение на определенной ступени развития общества искаженной религиозной картины мира приводит к тому, что религиозные обряды утверждаются как единственный способ воздействия на природные силы. Все важнейшие события в жизни человека или общества отныне сопровождаются исполнением религиозных обрядов, якобы обеспечивающих помощь сверхъестественных сил в благополучном совершении этого события.

В дальнейшем, с упрочением роли религии в обществе, господствующие классы через церковные организации старались укрепить роль религиозных обрядов как единственного для человека способа добиться изменений в его жизни, полностью зависящей, по религиозным представлениям, от влияния сверхъестественных сил: богов, святых, чертей и т. п. В основу религиозных обрядов легли приемы магии и колдовства, поскольку люди считали, что обычные способы трудовой или социальной деятельности не действенны, когда человек имеет дело со сверхъестественными явлениями. Выделился определенный круг людей: шаманов, жрецов, священников, которые якобы обладали способностями, отсутствующими у обыкновенных людей, позволявшими им влиять на сверхъестественные силы, осуществлять связь с ними. «Языческие» обряды, сохраняя во многих случаях свою привычную, традиционную форму, превращаются в религиозные. Их содержание теряет связь с конкретными потребностями людей, которые они пытались удовлетворить с помощью первобытной магии, и полностью подменяется религиозными пред-

ставлениями о «добрых» и «злых» божествах, покровительство которых религия обещает при выполнении верующим установленных ею обрядов.

Сама иллюзорность объектов, к которым обращены обряды, приводит к необходимости выработки строго фиксированных действий, производимых их участниками. Поэтому обряды закрепляются в виде определенного культа, их ритуал канонизируется [1]. Целью такой регламентации культового ритуала является оказание эмоционального воздействия на верующих, воспринимающих религиозный обряд как реальное общение с божеством с помощью действий, смысл которых не всегда доступен верующим.

Православная церковь создала в процессе своего тысячелетнего существования в нашей стране большое количество различных обрядов, сопровождающих человека всю его жизнь от рождения до смерти. В их число входят как обряды, исполняемые верующим индивидуально: молитвы, посты и т.п., так и коллективные, совершаемые по установленным церковью правилам под руководством священников. Верующему внушается, что при отправлении обрядов происходит общение с божественными силами, которыми и установлены формы этого общения, когда под внешними действиями верующего скрывается смысл, не доступный его пониманию, но зато понимаемый богом. Реальные действия священника, наблюдаемые присутствующими при обряде, получают «таинственное» значение, которое могут понять только те, кто беспрекословно верит в утверждение церкви о сверхъестественной силе бога. Поэтому как бы нелепо ни выглядели эти действия с внешней стороны, верующий должен быть убежден, что они имеют внут-

[1] Канон — церковное установление, обязательное для верующих.

ренний «невидимый» смысл. Такая вера необходима, утверждают богословы, для того, чтобы общение с богом состоялось и произошло чудо, то есть сверхъестественное вмешательство божества в судьбу верующего.

Религиозные обряды, таким образом, приобретают социальную функцию, подменяя действительную деятельность человека, направленную на достижение реальных целей, выполнением обрядов, создающих видимость деятельности. Символическая форма действий, составляющая сущность обрядов, позволила религии подменить первоначальное реальное их содержание иллюзорным, ничего общего не имеющим с действительным обеспечением потребностей человека и общества. Религиозные обряды стали составной частью духовного воздействия церкви на людей.

Для усиления эмоционально-психологического воздействия на верующих ритуальная, культовая часть обрядов тщательно разрабатывалась. Магические действия, производимые священниками, сопровождаются музыкой, хоровым пением, коллективным молением, создающими видимость участия всех верующих в исполнении обряда. Средствами архитектуры, художественным оформлением культовых помещений создается внешняя обстановка, соответствующим образом настраивающая верующего. В то же время возникает требуемая психологическая установка, усиливающая эмоциональное воздействие обряда, сосредоточивающая внимание верующих на сверхъестественной сущности всего происходящего во время его совершения. С помощью обрядов церковь обеспечивает также потребность верующих в общении с другими людьми, создавая видимость единения их для достижения единой цели — спасения души. Имеет значение и удовлетворение их эстетических чувств. В результате исполнение обряда приносит верующим

эмоционально-психологическую разрядку, усиливаемую воспитываемой с детства привычкой, которая со временем у некоторых становится потребностью.

Особую роль православная церковь отводит семи религиозным обрядам, выделяемым как таинства. Она утверждает, что в отличие от других религиозных обрядов, установленных церковью, таинства являются богоучрежденными, то есть их выполнение и священнодействия, производимые при совершении таинств, установлены непосредственно богом, а сами таинства учреждены Христом. В результате совершения таинств верующему якобы передается божественная благодать, божественная милость, обеспечивается сверхъестественное содействие в его жизни. При этом в совершении таинства незримо участвует «святой дух», одна из трех ипостасей, как их называют богословы, бога. При совершении священником магических действий якобы «под видимым образом сообщается верующим невидимая благодать».

Как и другие религиозные обряды, христианские таинства складывались в течение столетий, в процессе формирования религиозной организации — христианской церкви, изменялись и дополнялись под воздействием перемен в социальных условиях жизни конкретного общества.

Исторически первыми христианскими таинствами были крещение и причащение, ритуал которых сложился в основных чертах в течение I—II веков нашей эры. В III веке в практику христианства вошло священство, когда из числа верующих выделилась особая группа профессиональных служителей культа: пресвитеров, епископов, которым приписывалось свойство «священства», состоящее в том, что священник обладает особой «благодатью святого духа», позволяющей ему выступать от имени самого бога.

В IV—V веках церковь ввела обряды покаяния, миропомазания, брака, елеосвящения, исполнение которых не могло происходить без участия священника. Таким образом, сложилась система из семи обрядов, которые в XIII веке католической церковью были обозначены как таинства. Позже эти таинства с некоторыми отличиями в ритуале и в истолковании их значения были приняты и православием. С помощью таинств церковь включает в сферу своего воздействия все значительные события в жизни человека: рождение, бракосочетание, смерть, болезни, осуществляет контроль за деятельностью человека, подчиняя своему влиянию всю жизнь и деятельность верующего, его волю и образ мыслей.

Через таинства церковь осуществляет вмешательство и в общественную жизнь, общественные отношения, освящает существующий порядок.

Несмотря на утверждение о «богоучрежденности» таинств, церковь вынуждена была вносить изменения как в ритуал, так и в истолкование их значения применительно к конкретным историческим условиям. Но в любом случае основой таинства является вера в магическую связь со сверхъестественными силами, оказывающими влияние на жизнь человека и не зависящими от его практической деятельности. В дальнейшем мы более подробно разберем то, каким образом осуществляется с помощью таинств влияние церкви на верующих, как формировался их ритуал, якобы утвержденный богом. Здесь мы только отметим, что в процессе формирования религий обычаи превращались в обряды, обрядам придавалось религиозное значение, и, наконец, некоторые религиозные обряды стали выделяться как таинства.

Религия использовала в своих целях социальную функцию обычаев и обрядов: закрепление общечеловеческого опыта в определенных формах, выра-

жение эмоционального значения важных событий в жизни человека и общества. Но эти функции были искажены религией. С помощью религиозных обрядов и таинств церковь утверждает в сознании людей иллюзорное представление о мире и роли человека в нем, пытается увести человека с пути активной борьбы за преобразование мира, закрепить в сознании людей мысль о бессилии человека перед сверхъестественными силами, определяющими не только его жизнь, но и пути развития общества в целом. Вместо реальных ценностей общества религия предлагает человеку иллюзорные ценности «божественной благодати», которые он получит после смерти, в потустороннем мире.

Поскольку не все верующие, а тем более неверующие понимают действительное содержание религиозных обрядов, нередко делаются попытки отождествить некоторые таинства с народными обычаями и обрядами. За русскую народную традицию выдается церковное таинство крещения, утверждается, что только крещеный человек — русский, при этом сознательно смешивают религиозную принадлежность с национальной. И церковный брак, дескать, русский обычай, обеспечивающий крепость семейного союза. Находятся люди, которые верят этим утверждениям.

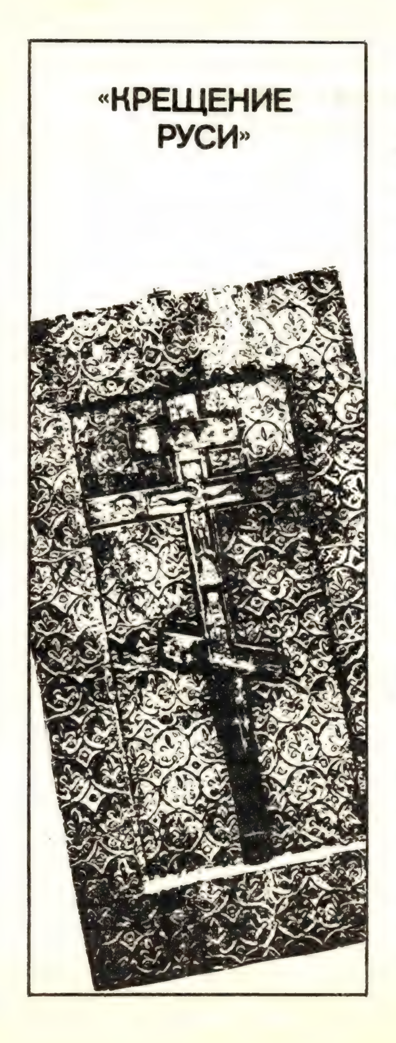
Советское государство при своем возникновении, отделив церковь от государства, провозгласило свободу граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Десятилетиями утверждалось, что в результате успехов строительства социализма в нашей стране большинство советских граждан порвало с религией, и она доживает последние дни. В свете гласности становится ясно, что деформация социализма сталинщиной, породившая террористически-административные меры борьбы с церковнослужи-

телями и верующими, разрушение под видом борьбы с религией исторической памяти народа, привела к бездуховности общества. Отрицая вместе с религиозной моралью и те общечеловеческие ценности, которые она традиционно несла, административно-командная система противопоставила им абсолютизацию классовой борьбы, обезличивание индивидуума, лишение его элементарных прав личности. Беззакония чиновников по отношению к верующим, забвение таких понятий, как милосердие, совесть, на фоне коррупции и всевластия аппарата привели к аморализму, жестокости и социальной пассивности граждан, особенно молодежи.

Перестройка позволила русской православной церкви выступить с призывом к милосердию, нашедшему благодарный отклик в обществе, поставленном на грань морального кризиса. И единство верующих и неверующих, участвующих в процессе перестройки в борьбе за истинно человеческие отношения между людьми, заслуживает всемерной поддержки.

Признавая исторически сложившуюся реальность, все-таки можно утверждать, что не в вере в могущество сверхъестественных сил, а в уверенности в собственных силах найдем мы путь к расцвету нашей Родины, к счастью каждого человека.

«КРЕЩЕНИЕ РУСИ»

Молодые родители, медицинская сестра и инженер, крестили ребенка. На мой вопрос: «Почему вы, не верующие в бога, решили крестить ребенка?» — мать ответила: «А при чем здесь религия? Ведь это русский народный обычай, традиция. Нас в детстве крестили, а как же ребенок будет некрещеный, ведь он русский?» Оставим на совести родителей их уверение, что они действительно считают крещение всего лишь русским народным обычаем, и попытаемся выяснить, так ли это.

История свидетельствует, что до середины X века у племен, населявших Киевскую Русь и имевших сравнительно высокий для того времени уровень культуры, были распространены боги племенных религий, сложившихся в условиях родо-племенного строя и достаточно развитых к этому времени. Славяне,

например, поклонялись богу-громовержцу, творцу молний Перуну, и, кроме того, «духам», второстепенным божествам, олицетворявшим силы природы. Племена восточных окраин поклонялись богам, пришедшим из Ирана: Хорсу — богу солнца и Симарглу — фантастическому крылатому животному, финские племена — богине Мокошь и т. д. С развитием скотоводства, торговли появляется второй бог — Волос или Велес. Так, при заключении договоров с греками в начале X века Олег и его дружина присягают «по Русскому закону, кляшася оружием своим и Перуном богом своим и Волосом, скотьим богом», а греки именем христианского бога. Впервые проникновение христианства на Русь связывают с крещением князей Аскольда, Дира, княгини Ольги, принявших христианскую веру. Но тогда христианство существовало среди небольшого количества княжеских приближенных. В 944 году, когда Игорь заключал русско-византийский договор, в церемонии наряду с русскими, клявшимися Перуном и Волосом, принимают участие и русские-христиане из окружения князя. Централизация Русского государства, потребность в укреплении единства княжества привели к необходимости «централизации» религии. Первоначально Владимир Мономах пытается использовать для этой цели «племенных» богов: «И постави кумиры на холму и вне двора теремного: Перуна на холме древянаго, а главу сребряну, а ус злат, и Хороса, и Дажбога, и Стрибога, и Сема, и Регла, и Мысошь» в Киеве. В Новгород Владимир посылает с той же целью воеводу Добрыню. «И пришед Добрыня к Новугороду и постави кумиръ над Волъховым, и жряху ему люди Новгородстии»,— писал летописец.

Для объединения княжества Владимир принял решение о включении в пантеон всех богов племен,

входивших в Киевскую Русь. Таким образом, во второй половине X века славянские племена еще молились племенным богам. Но становление новых классовых отношений, необходимость укрепления княжеской власти создали предпосылки для принятия христианства в качестве господствующей религии. Многобожие племенных культов не могло обеспечить объединение различавшихся по языку и культуре племен. Религии, возникшие при родовом строе, не удовлетворяли условиям классового расслоения общества, не оправдывали подчинения одного человека другому, не освящали господство человека над другими людьми [1]. Усиление единовластия необходимо требовало перехода к единобожию, монотеизму. Так родилось христианство. Как писал Ф. Энгельс: «Отрицая... все национальные религии и общую им всем обрядность, и обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией*».

Летопись рассказывает о том, что к Владимиру прибыли посольства от мусульман с Волги, «немцев» от папы римского, иудеев из Хазарии и греческий философ с целью склонить его к принятию их веры, и описывает, как он «выбирал» веру. Мусульмане хвалили ислам за разрешение многоженства. «Владимир же слушая,— говорит летописец,— бе бо и сам любя жен; но се ему нелюбо обрезанье удов, и неядение мяс свиных, и о непитии вина отнюдь рек: «Се Руси веселие питие, не может бес сего быти». В беседе с «немцами»: «Владимир же рече: «кака заповедь ваша?» Они же реша: «Пощенье по силе; аще

---

[1] Нужно отметить, что православие, называя первобытные религии «языческими», хотело выразить этим их «дикарский», «варварский» характер, якобы ничего общего не имевший с христианством. Но в основе христианского культа лежат элементы ранних форм религии: магия, фетишизм, тотемизм, анимизм.

кто яст и пиет, все в славу божию творит, рече учитель наш Павел». И им он отказал: «Идите вспять, яко не суть отци наши сего ведели», напомнив о неудаче предыдущей римской миссии 960—961 годов. Выбор православия якобы определился личным вкусом Владимира.

Как ни занятен летописный рассказ, выбор православия Владимиром определялся внешними и внутренними объективными условиями, сложившимися в это время для Руси. Немалую роль, по-видимому, сыграло византийское миссионерство, благодаря которому на Руси более всего было известно христианство восточного толка, а также наличие богослужебных книг на славянском — болгарском языке, связанное с кирилло-мефодиевской традицией. Важным поводом была и необходимость союза с Византией. Но нельзя не учитывать и того, что католицизм выступал с позиций подчинения светской власти церкви. Хотя папа римский в это время не имел прежней власти, но считалось, что он равен императору «Священной Римской империи». Восточная же византийская церковь подчинялась императору, который считался первосвященником. Кроме того, византийская церковь не препятствовала созданию национальных церквей, хотя и под ее руководством. В то же время в вероисповедном отношении различия между византийской и римской церквами были в это время небольшими. Раскол между ними произошел лишь в 1054 году. По-видимому, Владимир предпочел православие потому, что оно служило средством укрепления княжеской власти, православная церковь не противопоставляла себя светской власти. И действительно, в течение первого столетия православная церковь на Руси была в экономической зависимости от княжеской власти. Мало того, заимствованное от греков и испытывавшее влияние Запада христианство на Руси оказалось не византийским и не римским. Право-

славие с первых же лет русифицируется, пытается избавиться от опеки Византии.

Но это уже в более позднее время. Начало же официальному признанию православия государственной религией Руси положило крещение Владимира с семьей и его дружины в 988 году. Вслед за этим началось массовое насильственное крещение народов, населявших Киевскую Русь. Тот самый Добрыня, который незадолго до этого «ставил кумиры над Волховом» в Новгороде, теперь по приказанию князя с помощью княжеской дружины обращает новгородцев в христианство. Если о крещении в Киеве многое неясно и ученые рассматривают различные версии, достаточно иногда противоречивые, то крещение в Новгороде описано в летописи довольно подробно.

Следует отметить, что обряд обращения в христианство называется крещением только у славянских народов. И в греческой, и в римской церкви его название связано с омовением: baptême — по-французски, baptism — по-английски происходят от греческого baptisma — купание, омовение, то же означает и немецкое die Taufe, хотя и переводятся эти слова на русский язык как «крещение». Это можно, по-видимому, объяснить следующим. Первоначально в христианстве поклонение кресту отсутствовало, обряд воспринимался именно как очистительное омовение, что и было закреплено в названии. Так, Иоанн Креститель и по-гречески и по-латыни называется в дословном переводе Иоанн Омыватель. Лишь в IV веке, по утверждению христианских богословов, мать римского императора Константина Елена якобы отыскала крест, на котором был распят Иисус. Доказательством его «подлинности» служило «чудо» излечения больной. После этого и начинается поклонение кресту как священному предмету. Когда совершалось крещение Руси, можно предполагать, что не знакомые с догматами христианства

русские при их обращении в православие обратили в первую очередь внимание на ту роль, которую придавали при этом священники кресту. Тем более, что привыкшие к воплощению бога в виде идола славяне при крещении, видимо, принимали сам крест за такого бога христиан. Отсюда и русское название обряда «крещение», и то значение, которое в русском православии и в быту придавалось кресту: культ креста, крестный ход, «крестьянин», т. е. крещеный, вместо «христианин» и т. п. Применение названия «крещение» к обряду водного очищения приводит к фактическим неувязкам. Так, например, религиовед А. Ранович обращал внимание на то, что «евангельские тексты уже застают крещение как старый, дохристианский институт»[1]. Получается, что крещение возникло раньше христианства. Но в религиях Египта, Ассирии, Вавилона, Палестины существовал обряд омовения, а не крещения. Обряд крещения, как отмечал Ф. Энгельс, «является институтом второго периода христианства». Евангельские же тексты имеют в виду обряд омовения.

Рассмотрим, какой магический смысл вкладывается в таинство крещения. Омовение водой задолго до христианства применялось в различных восточных культах как элемент первобытной магии по аналогии. Наблюдая, как вода смывает грязь с тела, люди в древности считали, что вода также может очищать человека и от «грязи внутренней», т. е. от совершенных им дурных поступков. Поэтому омовение или купание в воде использовалось как очистительный обряд. Особенно большое значение придавалось воде в пустынных восточных областях, где она сама по себе была драгоценностью, что и отразилось на отношении к ней как к чему-то святому.

---

[1] *Ранович А.* Происхождение христианских таинств. М.; Л., 1931. С. 71.

В Древнем Египте обожествляли реку Нил, от разливов которой зависела урожайность полей, а следовательно, и жизнь египтян. В индуизме и в настоящее время одним из главных обрядов является омовение в священной реке Ганг. В Ветхом завете о воде говорится: «Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее: поток Божий полон воды; Ты приготовляешь хлеб, ибо так устроил ее; напояешь борозды ее, уравниваешь глыбы ее, размягчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее...» (Пс. 64: 10). Как видим, речь идет о реальном, жизненном значении воды в жизни человека. Но первобытные верования и в дальнейшем использовались религиозными культами, в них лишь вкладывалось новое содержание. Так, из древних шумеро-вавилонских легенд в иудаизм проник миф о всемирном потопе, во время которого бог с целью наказания людей затопляет землю, смывая с нее грешных людей и таким образом очищая ее. Обряд очистительного омовения был установлен иудейской религией от лица бога: «И сказал Господь Моисею, говоря: сделай умывальник медный для омовения... и налей в него воды; и пусть Аарон и сыны его омывают из него руки свои и ноги свои; когда они должны входить в скинию собрания, пусть они омываются водою, чтобы им не умереть... и будет им это уставом вечным, ему и потомкам его в роды их» (Исх. 30: 17—21). Из иудейской религии обряд очищающего омовения перешел и в христианство, но первоначально не как крещение. По евангелию Иоанн Креститель совершал обряд водного омовения над иудеями, которыми он воспринимался отнюдь не как христианский обряд крещения, а как обряд очищения грехов, покаяния. После омовения иудеи не становились христианами.

Так, в евангельской легенде записано: «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне

Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:1—2). Как видно из текста, речь шла о покаянии, а не о крещении. Однако дальше пишется: «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф. 3:5—6). Следовательно, обряд заключался в ритуальном омовении, совершавшемся коллективно в естественном водоеме, и сопровождался покаянием для очищения от грехов. Первоначально крещение проводилось христианами также в естественных водоемах, причем вплоть до V—VI века к крещению допускались лишь взрослые, сознательно принимавшие новое вероисповедание. При этом желающие принять христианство — «оглашенные» усваивали догматы новой религии в течение длительного срока, предшествовавшего крещению. В восточных, православных, церквах крещение производилось обычно в ночь на Епифанию, т. е. с 5 на 6 января. В дальнейшем христианство видоизменило обряд, но память о коллективном крещении осталась в православии как праздник крещения (или богоявления), одним из элементов которого является «освящение Иордани». Очевидно, что крещение в естественных водоемах на Руси в январе невозможно. Поэтому оно было заменено «водосвятием». В навечерие перед 6 января освящение воды производится в церквах как память о крещении первых христиан. В сам же день праздника после литургии, т. е. торжественного молебна, совершался крестный ход к реке или другому естественному водоему, во льду которого устраивалась прорубь — иордань. В прорубь трижды опускался крест, после чего вода считалась «святой», способной исцелять болезни. Этот обряд связывался с крещением Иисуса Христа в реке Иордан.

В России обряд освящения воды служил утверждению самодержавия. Так, в Москве иордань устра-

ивалась на Москве-реке около Кремля. После молебна в кремлевских соборах к иордани устраивался крестный ход, во главе которого шли царь, митрополит, высшее духовенство и знать. Около иордани строились два шатра — для царя и митрополита. В церемонии участвовали войска, которые выстраивались вокруг иордани. После водосвятия в молебнах прославлялась царская власть, а войска окроплялись святой водой. Находились фанатики, которые купались в «святой» воде, крестились в иордани. Как для них оборачивалось это купание, неизвестно.

Мы уже отмечали ранее, что крещение Руси было насильственным. Очевидно, что это был длительный процесс борьбы между православием, насаждавшимся князьями с помощью силы, и племенными верованиями простого народа. Так, автор «Слова о том, како первое погани сущи, языци кланялися идоламы» пишет в XI веке: «...и ныне по украинам молятся ему, проклятому Перуну и Хорсу, и Мокши и Вилам и то творят отай». А по свидетельству летописи, в XI веке в Новгороде произошло следующее: народ восстал против православного епископа и хотел его убить. Епископ с крестом вышел к восставшим вместе с князем и его дружиной и обратился к народу: «Иже хощеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли верует кто, то ко кресту да идеть». В результате князь и дружина пошли за епископом, а народ — за волхвом.

Православие, став господствующей религией, было вынуждено включить в культ некоторые славянские обряды, пользовавшиеся популярностью у населения Руси: христианское рождество сопровождалось «языческими» обрядами в честь Коляды, святочными гаданиями. Весенний праздник славян масленица существовал, несмотря на попытки борьбы с ним. Праздник лета остался в народе как праздник

Ивана Купалы и сопровождался обрядовыми действиями, ничего общего не имеющими с христианством, и так далее. Так что действительно народ сохранил, несмотря на почти тысячелетнее господство православия в России, народные обычаи и праздники дохристианские, связанные с культом природы, с хозяйственной жизнью землепашцев.

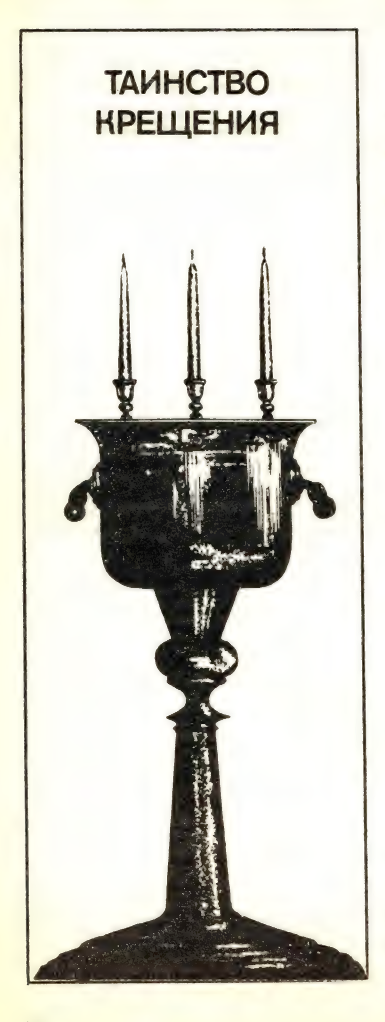
Но к народным традициям и обычаям никак нельзя отнести обряд, или таинство, как его называют православные богословы, крещения, поскольку и содержание и форма этого обряда целиком отражают лишь мистические представления христианства, ничего общего не имеющие с реальными потребностями человека.

Православие, навязанное силой русскому народу, затем силою же поддерживалось самодержавием. Так, в 1649 году вышло «Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича», свод законов, в котором 1-я глава называлась «О богохульниках и церковных мятежниках», а первая статья гласила: «Будет кто иноверцы, какия ни будь веры, или Русской человек, возложит хулу на господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников: и про то сыскивать сыски накрепка. Да будет то сыщется про то до пряма: и того богохульника обличив, казнить, сжечь». Как видим, царизм в духе того времени не останавливался перед физическим уничтожением выступавших против религии. Но, может быть, «просвещенные» монархи изменили отношение к православию? Посмотрим «Свод законов уголовных» Российской империи 1857—1866 годов, действовавший вплоть до Великой Октябрьской революции. Статья 176 гласит: «Кто дерзнет публично в церкви с умыслом возложить хулу на славимого в единосущной троице бога, или на пречистую

владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображения, тот подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от 12 лет», а статья 177 предусматривает за то же преступление, совершенное «хотя и не публично и не в многолюдном собрании, но однако же при свидетелях», к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

Статья 178 касается тех, «кто в публичном месте, при собрании более или менее многолюдном, дерзнет с умыслом порицать христианскую веру или православную церковь, или ругаться над священным писанием или святыми таинствами, тот подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет». Вот каким образом «поддерживалось» у русского народа «почитание» православия, священного писания и святых таинств. И глумлением над памятью тех, кого силой заставляли исполнять требования православия, звучит утверждение о том, что таинство крещения является русским народным обычаем, традицией.

Верить или не верить в бога — это частное дело каждого гражданина. Но зачем же лицемерить перед собой и перед другими, пытаясь выдать за народные традиции то, что народ заставляли делать, используя карательные силы?

Крещение — таинство, совершенно необходимое для спасения. Бог не допустит в обитель блаженства никого, кто хоть раз в жизни не ощутил на своем затылке струи холодной воды. Вода эта имеет силу смыть с ребенка великий грех, который искуплен сыном божиим и был совершен за несколько тысячелетий до того, как родители ребенка задумали произвести его на свет.

П. Гольбах

Обряд крещения православие считает одним из главных таинств, исповедание которого обязательно для верующего и поэтому внесено в символ веры: «Исповедую едино крещение во оставление грехов».

Поскольку по церковным установлениям родители к обряду крещения не допускаются, то, по-видимому, небезынтересно для них будет рассмотрение того, в чем же заключается этот обряд и почему самые близкие для ребенка люди — отец и мать — не участвуют в нем.

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, рассмотрим по порядку все элементы ритуала крещения в православном культе. До начала крещения производится ряд действий, составляющих подготовительную часть обряда. Они описываются катехизисом следующим образом: «Приступающему к крещению предварительно дается имя в честь какого-либо святого. Затем читаются молитвы оглашения, в которых призывают страшного для демонов Иисуса Христа, молят об отогнании их от приступающего к крещению. После этого оглашенный обращается на запад и троекратно отрекается от сатаны и всех его дел, дует и плюет на сатану, выражая тем презрение к нему и решение не иметь с ним ничего общего.

Отрекшись от дьявола, оглашенный обращается к востоку, к Христу, и дает обет веровать в него и служить ему. После этого он или его восприемник читает символ веры». На этом подготовка к крещению закончена. Что же должны обозначать все перечисленные действия?

То, что ребенку дается при крещении имя, известно всем, и зачастую этот элемент обряда — имянаречение считается сущностью обряда. Но, как видно из описания обряда, имя ребенку дается до крещения, и это является лишь предварением обряда. Причем делается это не по выбору или желанию родителей, а в честь какого-либо святого, обычно того или той, память которого отмечается в этот день церковью. Выбирается имя в соответствии с так называемыми «святцами» — церковным календарем, в котором указано, памяти какого святого посвящается день.

Очень наглядно описал процесс выбора имени Н. В. Гоголь в повести «Шинель», когда герою повести Акакию Акакиевичу Башмачкину выбирали имя перед крещением.

«Родился Акакий Акакиевич против ночи, если толь-

ко не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет,— подумала покойница,— имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание,— проговорила старуха,— какие все имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Еще переворотили страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу,— сказала старуха,— что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошел Акакий Акакиевич».

Дело в том, что в православные святцы попали имена еврейские, греческие, римские, которые на этих языках могут иметь и положительный смысл, но для русского слуха неблагозвучны или вызывают неприятные ассоциации. Так, например, библейские имена, включенные в святцы, имеют значение: Гад — благополучный; Сосипатра — соблюдающая отца; Малевсина — царица; Варух — благословен, но вряд ли русский хотел бы иметь такое имя. Святой, именем которого называется ребенок, считается «покровителем» своего тезки. Поэтому верующий празднует не день своего рождения, а «день ангела», т. е. день святого, по имени которого назван. «Именины» никак не связаны с днем

рождения, как некоторые считают, это день крещения. Использование церковного календаря в течение длительного времени привело к тому, что определенные дни стали связываться с именами святых. Но происходят и обратные процессы. Так, известность получил Татьянин день. В январе православная церковь праздновала день «св. мученицы Татианы». Этот день совпал с окончанием экзаменов в высших учебных заведениях. Студенты стали отмечать его как начало зимних каникул. Так Татьянин день потерял свое религиозное значение и стал студенческим праздником. В Швеции такое же изменение произошло с днем св. Люции. Этот день стал молодежным праздником. Голосованием избирается Люция, красивая девушка — королева праздника. Школы ранее обычного заканчивают занятия, улицы заполняются юношами и девушками в специальных костюмах, со свечами и фонариками, устраивается иллюминация и т. д.

Принятие имени перед крещением связано с тем, что во времена возникновения христианства крестились взрослые люди, обычно уже исповедовавшие какую-либо религию. Как и во многих других религиях, человек, принимающий новую религию, отказывался от своего старого имени, порывая таким образом со своей прежней жизнью, а следовательно, и верой. Поэтому он и принимал имя в честь «святого» новой религии. Так, по евангелию, Христос давал новые имена своим последователям: Симон стал Петром (Мф. 16: 17—18; Мк. 3: 16), Иаков и Иоанн Зеведеевы стали Воанергес (Мк. 3: 17).

Смена имени, новое имя еще не означало, что человек становился христианином. Это — только его согласие принять христианство. Он становился оглашенным, т. е. его новое имя объявлялось (оглашалось) другим верующим религиозной общины. Оглашенный должен был пройти испытательный срок до крещения,

во время которого он знакомился с учением, показывал свое прилежание в вере. Недаром в народе оглашенным называют человека суетливого и шумливого. В период испытания оглашенный участвует в общем молении, но не допускается к таинствам, поскольку он еще не христианин. Вот этот период в подготовке к крещению и символизируется молитвами оглашения в современном обряде, после чего оглашенный, а в данном случае ребенок, считается подготовленным к принятию в христианскую веру.

Подтверждение своей готовности он должен продемонстрировать троекратным отречением от сатаны, т. е. от тех богов, которым он раньше поклонялся, в сторону которых на запад он дует и плюет. Почему именно на запад? Потому, что сатана находится на западе, в той стороне, куда в темноту скрывается солнце, а уж сатана-то, конечно, должен помещаться в темноте. Здесь мы можем проследить влияние древнейших культов поклонения солнцу, встающему (рождающемуся заново) на востоке.

Это подтверждается тем, что, обратившись на восток, крещаемый символически соединяется (сочетается, сравните: бракосочетание) с Христом, обещая верить в него и служить ему. Христианские богословы ссылаются при объяснении того, почему к Христу нужно обращаться на восток, на авторитет Афанасия Великого и Иоанна Дамаскина, «отцов церкви». Иоанн Дамаскин разъясняет: «Не просто, ни без рассмотрения и рассуждения, ни без ума на восток поклоняемся: но яко же от видимого и невидимого сложены естества, сугубо и поклонение народотворцу приносим, и яко же сугубо и умом поем и плотскими устами, и сугубо крещаемся водой и духом, и сугубо к господу единствуем тайное, принимая духовный дар: понеже бог есть свет разумный, и солнце праведное, и восток в писании именуется Христос: и се муж, восток имя ему: возложим ему

восток на поклон всяко бо добро богу возлагаем». Как видите, все очень понятно: поскольку бог — это свет и солнце, а Христа называют востоком, то молиться нужно на восток, туда, где восходит солнце.

И наконец, как последнее доказательство своего решения стать христианином, оглашенный произносит символ веры: краткое изложение основных догматов православной веры, установленное Никейско-Цареградским вселенским собором, которое каждый верующий должен знать наизусть, или, как еще его называют, «Верую». Таким образом, уже сама подготовка к крещению включает ряд символических действий, которые когда-то имели реальное значение: оглашение как подготовка к переходу в христианство, отказ от прежних богов — отрицание сатаны. Многие религии богов своих противников считали демонами: так иранцы превратили древнеиндийских богов «девов» в демонов. В свою очередь индусы считали демонами иранских богов «аура». Христианство первоначально в качестве князя тьмы — Вельзевула считало языческого бога Баал-Зевува, которого затем переименовали в дьявола, сатану. В дальнейшем эти действия, потеряв свое первоначальное значение, приобрели мистическое содержание, не отвечающее реальной обстановке, но сохраняющееся православием «по традиции». Обряд приготовления к крещению включает элементы первобытной магии: дутье и плевание на сатану, повторяющееся три раза.

С плеванием на сатану связано известное суеверие, когда, чтобы не случилось несчастье, плюют через левое плечо трижды. Верующим внушают, что за спиной каждого человека находятся: справа — ангел-хранитель, охраняющий верующего, а слева — черт, который только и ждет, когда ангел отвернется в сторону, чтобы сделать верующему пакость. Вот поэтому-то и нужно трижды плюнуть в глаза этому черту, чтобы он

отстал и не вредил. Заодно и внимание ангела-хранителя будет привлечено. Очевидна нелепость этого суеверия, так же ясно, что оно мало чем отличается от плевания на запад.

Но, если даже отвлечься от нелепости самого обряда, как можно понять, что оглашенный, т. е. принимающий крещение, обращается на запад и восток, отрекается, дует, плюет, выражает презрение и т. д., когда в качестве оглашенного выступает ребенок, который зачастую не говорит даже «мама»? Ответ на этот вопрос заключается в том, что ритуал крещения сложился во времена, когда крестились взрослые люди, которые могли проделать требуемые действия. Но условия изменились, церковь, ставшая в эксплуататорском обществе господствующей силой, могла себе позволить не дожидаться того времени, когда человек сознательно решит, принять ли ему христианскую веру, обязала родителей крестить ребенка как можно раньше. Да и высокая детская смертность была немаловажным фактором; крещение — доход церкви, умер ребенок некрещеным — нет дохода. Ритуал же остался прежним, как установленный якобы самим Христом. Может быть, за ребенка могут выполнять все эти действия родители? Нет. Они, как уже говорилось ранее, в самом обряде не участвуют.

Роль родителей выполняют «восприемники», или, как их обычно называют, «кумовья», «крестные» отец и мать, один из которых и производит все требуемые действия от лица ребенка. Вспомните кума Ивана Ивановича и куму Арину Семеновну, которым предстояло крестить Акакия Акакиевича. Принимающий крещение, отрекаясь от своей прежней религии, от предыдущей жизни и имени, отказывался и от своих кровных родителей в пользу «духовных». Ведь по евангелию верующий, чтобы служить богу, должен отказаться от родных. Христу по этому поводу приписываются следую-

щие слова: «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10: 35—37). И далее: «И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мф. 12: 49—50). Правда, здесь Христос отрекается и от своей матери Марии, «богородицы» — как ее называют христиане, но православие не заостряет этот момент. А ведь Христос в этом случае кощунствует, «возводит хулу» на «рождающую его пречистую владычицу нашу богородицу и присно (вечно) деву Марию».

Очевидно, что в те времена, когда христианство еще только зарождалось и существовало в виде сект, общин, родственники принимающего крещение могли оставаться верными своему вероисповеданию, другой вере. Поэтому евангелие и требовало от имени Христа отказа от родственников-нехристиан. Взамен кровных родителей оглашенному назначались духовные родители, «крепкие в вере», которые и должны были в период оглашения подготовить вступающего в секту. Они являлись поручителями за вновь вступающего, за дальнейшую духовную жизнь и поведение крестника перед богом, а вернее, перед сектой. В России в качестве крестных обычно старались привлечь людей «уважаемых», т. е. богатых: помещика, фабриканта, купца, чиновника, или «крепких в вере»: монаха, богомолку и т. п. Считалось, что, связанные духовным родством с крестником, они в дальнейшем помогут «устроить» его в жизни. Многие из помещиков, фабрикантов, купцов охотно крестили детей своих подчиненных дворовых, рабочих, приказчиков, закрепляя таким образом влияние на них. Ведь крестному нужно подчиняться как отцу родному, а уж бунтовать против него — грех вели-

кий. Сейчас эти поводы отпали, в крестные выбираются приятели и подруги, и тем самым в выполнение культа вовлекается большее число людей. Ведь крестные зачастую, так же как и родители, не верят в бога, но не отказываются от принятия участия в обряде. Вот эти духовные восприемники и выполняют вместо ребенка положенные действия по подсказке священника.

К каким последствиям могла привести такая подмена родителей, могу показать на собственном примере. Многие при знакомстве спрашивают: «По-видимому, у Вас были интеллигентные дедушка с бабушкой, если назвали Вашего отца римским именем Клавдий». Но ведь имя он получил при крещении, независимо от воли родителей. А дело происходило так. Дедушка был рабочим на уральском заводе. И он, и бабушка были неграмотными. Дедушка уже под старость научился только подписываться. Этим его грамотность и ограничилась. В день крещения моего отца, это было 20 марта (по старому стилю), крестным был приглашен церковный староста. Перед крещением крепко выпили, может быть, угостили и батюшку, и крестные понесли ребенка в церковь крестить. Отца крестили, записали в церковную книгу и в «поминанье», т. е. книжечку, по которой священник «поминает» во время молитвы «о здравии» живущих и «за упокой» умерших. А. П. Чехов в рассказе «Канитель» ярко описывает процедуру заполнения «поминального листка», когда полуграмотный дьячок вписывает со слов неграмотной Федосьи в поминанье ее родственников. Сегодняшний школьник может и не понять, для чего была затеяна эта «канитель», но для верующих правильное заполнение поминанья имело большое значение. С поминанья все и началось. После крещения моей бабушке сказали, что ребенка назвали «Клавде́й». Удивилась она, но «воля божья. Клавде́й так Клавде́й». И вдруг во время очередного молебна священник, перечисляя «о здравии» членов семьи по по-

минанью, читает «рабы божьей Клавдии». После этого происходит сцена почти по Чехову. Бабушка к священнику: «Какая Клавдия? У меня Клавдéй». Тот на нее: «Не богохульствуй! Здесь записана раба божья». А бабушка разворачивает ребенка и ему: «Какая же раба, гляди-ко, это же мальчонка!» Скандал в божьем храме. Ведь по царским законам церковные книги были единственным документом, подтверждающим гражданское состояние человека. В частности, на основании этих записей производился призыв в армию, а отец, поскольку он — «раба божья», призыву не подлежал. Дело приняло уголовный оборот. Пришлось священнику обращаться в церковное управление, чтобы архиерей разрешил исправить в церковной книге «рабу» на «раба». Так и получил мой отец «благородное» имя Клавдий, поскольку во время обряда крещения его участники не обратили внимания, кого крестят: мальчика или девочку. А иначе был бы он Иваном, так как в этот день отмечается также «память преподобного Иоанна».

Но, оказывается, этот случай не исключение в практике православного духовенства. Так, когда А. И. Герцен отбывал ссылку в г. Вятке, ему попало в руки дело, озаглавленное: «О перечислении крестьянского мальчика Василья в женский пол». Здесь все произошло наоборот, пьяный поп дал девочке мужское имя Василий вместо Василисы, которое и было вписано в метрику [1].

Поминанье еще раз подвело бабушку, уже со мной. О моем крещении не могло быть и речи. Отец — коммунист, мать — активная комсомолка. Но бабушка, улучив момент, когда они были в отъезде, все-таки крестила меня тайком. Мне был третий год, я уже говорил, и возвратившаяся мать удивилась, что я называю себя Егором, но не придавала этому значения до тех

[1] См.: Сухов А. Д. Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980. С. 84.

пор, пока случайно не наткнулась на поминанье, которое бабушка обычно прятала. Увидев там в записи «О здравии» имя Георгий, мать связала это с моим отказом от Юрия и потребовала ответа от бабушки. Но к чести бабушки надо сказать, что не в пример некоторым сегодняшним бабушкам, которые ультимативно требуют крестить внука или отказываются его нянчить, она никогда не делала различия между крещеными и некрещеными внуками.

Итак, подготовка к крещению закончилась, крестные выполнили за ребенка все, что требовалось. Начинается собственно крещение. Перед этим священник освящает воду, налитую в купель. Ведь вода-то налита обыкновенная. Он произносит молитву, призывающую святой дух, и совершает помазанье воды елеем (т. е. маслом). Здесь мы встречаемся еще с одним таинством, которое более подробно рассмотрим в дальнейшем. Помазуется елеем и ребенок. Наконец священник трижды опускает ребенка в воду, со словами: «Крещается раб божий (называется имя) во имя отца, аминь, и сына, аминь, и святого духа, аминь». «Аминь» по-древнееврейски означает — «правильно», «истинно». Это действие является самым важным в крещении. Собственно, в нем и заключается таинство. В это время, уверяют богословы, невидимый и не воспринимаемый чувствами святой дух сходит на крещаемого, очищает его от грехов, превращает его в христианина, который начинает новую жизнь: «умирает для жизни плотской и греховной и возрождается от духа святого в жизнь духовную, святую».

Молитвенная формула, которую произносит священник «Во имя...» означает по-русски «от имени...», т. е. крещение производится от имени бога-отца, Иисуса Христа и святого духа, что подкрепляется каждый раз словом «аминь» — «истинно». Крестят от имени троицы, а в крещении, оказывается, участвует только

«святой дух». Как известно, «святой дух» — это одна из ипостасей бога, имеющего три «естества». Бог в одно и то же время является богом-отцом, Иисусом Христом, своим сыном, и «духом святым», причем эта троица является нерасторжимой, поскольку это три лица одного и того же бога. Всякая попытка сомнения в истинности этого догмата христианства считается ересью и вызывала прежде отлучение от церкви. Значит, в соответствии с догматом вся троица должна участвовать в крещении.

Но таинство потому и является таинством, что оно не соответствует обычной человеческой логике, а божественная логика никак не совмещается с доводами разума. Ведь недаром один из «отцов церкви» Тертуллиан утверждал, что чем сильнее расходится утверждение церкви с данными разума, тем сильнее должна быть вера: «Верую, ибо нелепо».

Оказывается, водного крещения недостаточно для того, чтобы грехи были искуплены. Необходимо крещение святым духом, как, по евангелию, был крещен сам Иисус. «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды,— и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него (Иисуса.— Ю. С.). И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3: 16—17). Как видим, святой дух в виде исключения показался Иоанну в виде голубя, а бог-отец подал голос. Таким образом Иоанну были предъявлены одновременно все триединые ипостаси: Иисус, голубь-дух и бог-отец-голос. Для обычного же человека достаточно, чтобы святой дух сошел невидимо. Можно быть уверенными, что другого варианта, т. е. видимого, ожидать и не приходится, но без этого невидимого сошествия крещение недействительно, по уверению церкви. Правда, святой дух уже один раз присутствовал при крещении, когда он «освящал» воду в купели, но это относилось к воде, а не к крещаемому. Однако это, как

мы дальше увидим, не последнее явление святого духа при крещении.

Итак, святой дух очистил будущего христианина от его грехов, т. е. тех дурных поступков, которые он натворил в предыдущей жизни. А какие же грехи числятся за новорожденным ребенком? Оказывается, на нем лежит тяжкий первородный грех, который заключается в том, что библейские прародители человечества Адам и Ева не выполнили в свое время волю бога и, нарушив ее, съели яблоко с древа познания, росшего в раю. Бог проклял Адама и Еву, изгнал их из рая, а их вину возложил и на всех их потомков. Христос своею смертью на кресте якобы искупил те грехи, которые люди натворили уже после грехопадения Адама и Евы. Иоанн Креститель сказал о нем: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1: 29). А вот за их первородный грех каждый человек отвечает перед богом лично. Святой дух очищает христианина при крещении от этого греха для того, чтобы бог не спросил ответа за него от человека после смерти. Таким образом, бог поручает святому духу, т. е. самому себе, простить тому, кто крестится, свое собственное проклятие.

Какое же значение тогда имеет купание ребенка в «святой» воде? Ведь если крестится ребенок святым духом, т. е. сверхъестественной силой, то само омовение теряет то значение, которое ему приписывалось раньше,— очищение, и становится пережитком язычества, сохранившимся в христианстве, а от язычества современные богословы всячески отрекаются как от дикарства, варварства и т. п. В нагромождении ритуальных действий богословы пытаются скрыть пустоту самого таинства, отсутствие в нем малейшей связи с реальной, земной жизнью человека. Если наш далекий предок, первобытный человек, страшась неведомых для него стихийных сил природы, пытался с помощью магических обрядов дополнить известный ему реальный мир

сверхъестественными силами, включить их в свою деятельность, то современные религии пытаются за счет сверхъестественного отвлечь человека от реальных сил, действующих в его жизни. Первобытный человек дополнял действительный мир иллюзиями, современный верующий действительный мир подменяет иллюзиями.

Затем в знак того, что душа крещеного чиста, на него возлагаются белые одежды, т. е. ребенка после вынужденного купания заворачивают в чистую пеленку, а на шею ему вешается крест в знак того, что он христианин и спасается верою в распятого на кресте Иисуса. В последнем действии, как мы видим, нет ничего мистического. Крест означает, что человек крещен, а вот насчет спасения верою ребенка, который даже не понимает того, что с ним делают, по-видимому, слишком сильно сказано. В то же время ношение верующим креста имеет еще одно значение, о котором богослов умалчивает, крест выступает как магический предмет — амулет, якобы защищающий верующего от всяких бед, пока он носит его на шее. Поэтому он и носится постоянно. Здесь проявляется элемент первобытного верования — фетишизма. И наконец, крещеного ребенка трижды обносят вокруг купели. При описании таинства крещения в него включают как элемент еще одну процедуру. Священник състригает у ребенка несколько волосков, вминает их в воск и бросает в купель. Но эти действия не имеют никакого отношения к крещению. Таким образом священник якобы проверяет, долго ли будет жить младенец. Если волосы утонут, ребенок скоро умрет, а если будут плавать в купели, то ребенок будет жить долго. Здесь мы видим пример неприкрытого суеверия, гадания с заранее известным ответом, ведь воск в воде не тонет, а родители радуются такому предсказанию. Но ведь это заведомый обман, и надо быть ослепленным верой или невежеством, чтобы

всерьез воспринимать этот трюк, тем более что вода в купели чище от такого гадания не делается, а священник выступает в роли языческого волхва.

Так выглядит таинство крещения в его, так сказать, классическом варианте. Но я присутствовал при крещении детей в одной из московских церквей. Обряд проводился не в самой церкви, а в специальном крестильном здании при ней. Крестили одновременно семерых детей в возрасте от одного до двух лет. Кстати, обряд обходится крестящим не дешево. Нужно заплатить за совершение обряда, купить свечи, крестики и т. п.

Итак, как происходило крещение? Детей раздели на специальных столах, расположенных вдоль стен крестильни, крестные взяли детей на руки, построились в ряд, и начался обряд крещения.

Священник обратился к крестным родителям, напомнив им, что раз они добровольно участвуют в обряде, то, конечно, являются примерными христианами и должны воспитывать своих крестников в духе веры в бога, а не просто присутствовать при крещении. Поскольку в качестве крестных в большинстве участвовали люди молодые, то, конечно, ни о каких знаниях, требующихся для свершения обряда, у них не могло быть и речи. Поэтому священник все те действия, которые должны были от имени крестников производить крестные, заменил собственной молитвой, сам дунул, плюнул и т. д. Затем он брал по очереди детей и, спросив имя, трижды окунал в купель. Окунув последнего ребенка, священник, также по очереди, совершил миропомазание, срезал прядь волос у каждого ребенка, смешал их с воском и бросил в купель, затем обвел крестных с детьми на руках и с зажженными свечами трижды вокруг купели. Как видим, крещение осуществлялось «на потоке».

Мы внимательно рассмотрели все элементы ритуального действия, называемого таинством крещения.

Что же в нем содержится такого, что можно было бы отнести к народным обычаям или традициям? Как видим, ничего. Весь обряд состоит из действий, имеющих целью показать, что во время крещения с помощью магических приемов и молитв священника происходит мистическое (таинственное) перерождение человека, осуществляется связь между человеком и сверхъестественными силами. Вся процедура ничего общего не имеет с реальной жизнью, с реальными потребностями человека. При этом никаких обязательств по сохранению жизни или здоровья человека, которого крестят, на эти сверхъестественные силы не налагается. Об этом даже не упоминается в течение всего обряда. Единственный обещаемый результат крещения — это очищение души человека от греха, к тому же греха первородного, к которому сам человек никакого отношения не имеет. Зато от лица крестника его крестные родители дают обязательство, что он будет верить во все то, что ему говорят священники от имени бога, и беспрекословно исполнять все, что от него потребуется. Ведь таинство крещения преследует цель, приобщив человека к религиозной вере, воспитать у него повиновение служителям церкви, смирение, внушить ему мысль о бессилии всех его попыток изменить что-либо в жизни без вмешательства всемогущего бога. Поэтому даже то слабое утешение для верующего, что якобы при крещении он как христианин получает заступничество со стороны бога, не имеет основания.

В то же время купание маленького ребенка в той обстановке, в которой обычно производится крещение, вовсе не является такой уж безобидной процедурой, как это некоторым кажется. Ведь о выполнении санитарно-гигиенических требований при купании ребенка в данном случае говорить трудно. Особенно если производится крещение нескольких детей подряд в одной купели.

Еще великий русский ученый М. В. Ломоносов писал, что «попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике [1]... Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни [2], и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, оная смертоносная болезнь удобнее возобновится». И делал вывод: «Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами затем, что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти» [3].

После обряда крещения мать с ребенком ждут окончания литургии, чтобы произвести еще один обряд: воцерквление ребенка. Все это, вместе взятое, занимает 2—3 часа.

Заканчивая разговор о крещении, хочу напомнить, что кроме непосредственно таинства крещения в сам обряд входят еще, как об этом уже говорилось, таинства освящения воды елеем до крещения и миропомазания после крещения. К рассмотрению этих таинств мы и переходим.

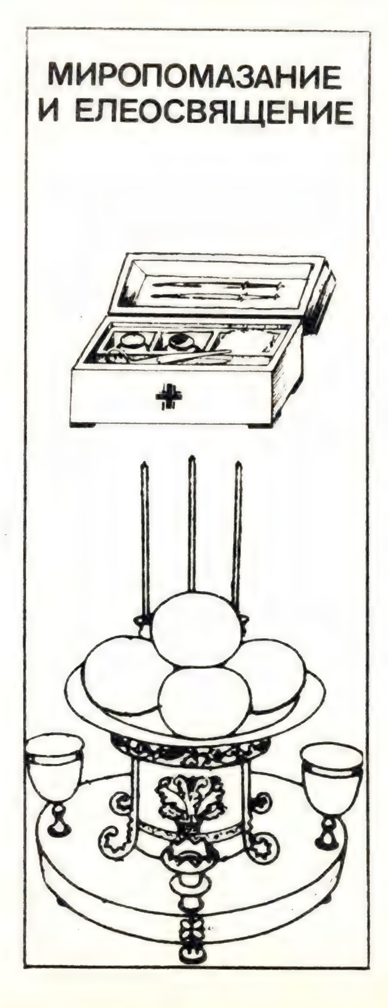
---

[1] Требник — церковная богослужебная книга, в которой описывается порядок совершения обрядов — треб по-церковному.

[2] Судороги.

[3] *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. М., 1950. С. 604—605.

МИРОПОМАЗАНИЕ И ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ

Миро(святое) — смесь бальзама и масла, над которой поколдовал епископ; оно имеет силу заставлять благодать спускаться с неба и смазывать слишком сухопарых христиан.

П. Гольбах

Процедура крещения отнюдь не кончается после совершения таинства крещения. Ведь при этом, как мы выяснили, с крестника «смывается» лишь первородный грех, которого он к тому же и не совершал. Немедленно после обращения ребенка в православие над ним производится обряд, так сказать, профилактический, который должен удержать его от совершения грехов в дальнейшем,— таинство миропомазания.

«Миропомазание совершается тотчас после крещения, когда возлагается на крещеного одежда. Обмакнув небольшую кисть в св. миро, священник помазует у крещеного лоб, глаза, ноздри, уста, уши, грудь, руки

и ноги, с произношением слов: печать дара духа святого. Через это помазание сообщаются помазуемому дары св. духа, укрепляющие его в вере и жизни христианской»,— сообщает православный катехизис. Итак, обмакнув кисть в особо приготовленное масло, священник совершает магическое действие по «опечатыванию» различных частей тела человека, в том числе органов чувств, освящает его мысли, желания, чувства, дела и поведение, подчиняя их божественной воле. В этом обряде основную роль играет святое масло, магическое действие которого оказывается более сильным, чем действие святой воды. Вода только смывает грехи, а масло укрепляет в вере и не дает совершать грехи.

Каким же образом масло приобрело такое свойство? Обычай смазывать тело маслом известен очень давно. Жиром намазывали людей при совершении магических обрядов. В Древней Греции гимнасты смазывали тело маслом, массируя его перед соревнованием, для придания эластичности коже. Древнегреческий скульптор Лисипп изобразил атлета, счищающего с себя масло и грязь после борьбы. Широко применялось среди рабовладельцев Греции, Рима и Востока умащение тела после купания благовонными мазями как гигиеническое средство. В качестве мазей, парфюмерии того времени, использовались различные растительные масла и смолы, получаемые из некоторых южных растений. К ним, в частности, относится миро — очень дорогая смола одного из африканских деревьев, растущего в Сомали. Эти масла и смолы смешивались с другими благовониями или применялись отдельно.

В Библии неоднократно упоминается о таком бытовом применении миро в качестве благовонного масла, вне связи с культом. В книге Ветхого завета «Песнь песней» рассказывается о том, как Суламифь умастила свое тело миром, ожидая своего возлюблен-

ного (Песн. 5:5). В Новом завете говорится о том, что в то время, когда Христос отдыхал, пришла женщина с сосудом миро [1] и вылила его на голову Иисуса. Ученики вознегодовали на нее за трату миро, которое можно было продать более чем за 300 динариев [2] и отдать деньги нищим (Мф. 26:6—9; Мк. 14:3—5). И в этом случае речь идет просто о дорогом благовонии, которое можно купить или продать. Итак, существовал обычай смазывать тело маслом.

Иудаизмом этот обычай был использован в ритуальных целях. По-видимому, обоняние было наиболее развитым чувством иудейского бога. Об этом свидетельствует требование Ветхого завета, чтобы жертва богу приносилась путем сожжения барана и нутряного сала. Дым от горящего масла и сала «благоухание приятное, жертва Господу» (Исх. 29:18). И вот, для того чтобы отличить иудейских священников-левитов от остальных, бог установил обряд миропомазания: «И сказал Господь Моисею, говоря: возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны самоточной пятьсот (сиклей), корицы благовонной половину против того, двести пятьдесят, тростника благовонного двести пятьдесят, касии пятьсот сиклей, по сиклю священному, и масла оливкового гин [3]; и сделай из сего миро для священного помазания, масть составную, искусством составляющего масти: это будет миро для священного помазания; и помажь им скинию собрания и ковчег (скинии) откровения, и стол... и светильник... и жертвенник... и умывальник и подножие его; и освяти их, и будет святыня великая: все, прикасающееся к ним, освятится; помажь и Аарона

---

[1] В тексте Библии употребляются наименования: миро, мирро, мирра, елей для обозначения «святого» масла.

[2] Динарий — римская серебряная монета.

[3] Сикль и гин — древнееврейские меры веса.

и сынов его и посвяти их, чтобы они были священниками Мне. А сынам Израилевым скажи: это будет у Меня миро священного помазания в роды ваши; тела прочих людей не должно помазывать им, и по составу его не делайте (сами себе) подобного ему; оно — святыня: святынею должно быть для вас; кто составит подобное ему или кто помажет им постороннего, тот истребится из народа своего» (Исх. 30:22—33).

Как видно из указаний бога, он дал Моисею рецепт мази — миро, которой должны быть помазаны все культовые предметы и сами священники для того, чтобы сделать их священными. Святыней в данном случае является само миро, поскольку с его помощью освящается то, что относится к культу. В этом и состоит все значение помазания миром в иудаизме. И если непосвященный изготовит его или если священник помажет им постороннего, он должен быть истреблен, так как бог может принять по запаху постороннего за священника-левита и обмануться. Таким образом, бог установил монополию на миро для священников. Правда, несколько позже господь в разговоре с Моисеем называет миро елеем помазания, т. е. маслом для помазания, в отличие от елея для освещения, наливаемого в лампады (Исх. 39:37—38; 40:9).

В Евангелии обряд миропомазания не упоминается. Христианство включило его в культ в IV—V веках, в то время когда оно достаточно отошло от иудейской традиции и противопоставило себя как религия иудаизму. Ведь в христианстве миропомазание совершается над каждым верующим, а в иудаизме это смертный грех, поскольку помазанными могут быть только священники. Следовательно, христианство поставило каждого христианина на уровень иудейского священника, обосновывая таким образом преимущество христиан-

ства над иудаизмом. Соответственно был изменен и смысл обряда, превращенного в таинство. Миропомазание как бы устанавливает прямую связь между крещеным и богом, выделяя его из некрещеных, накладывая на него печать даров духа святого. Ведь первым помазанником божьим был сам Иисус, мессия (по-еврейски «мешиах» — «мессия» и означает — «помазанник», что было переведено на греческий как «христос»). Сохранив за миропомазанием смысл знака, печати, отмечающей помазанного миром от остальных людей, христианство связало его со святым духом. Но в формулу миропомазания включены слова «дары святого духа». О каких дарах идет речь? По разъяснению богословов, на миропомазанного нисходит благодать. При крещении христианин с помощью святого духа очищается от своих прежних грехов, в частности от первородного греха. Благодать и является подтверждением этой безгрешности как дар святого духа. «Печать» должна способствовать тому, чтобы верующий в дальнейшем сохранял эту благодать, не совершал грехов. Каждый грех уносит частицу благодати, делая человека виновным перед богом. Как видим, бог принимает все меры через святого духа, чтобы человек не грешил, подчинялся его воле, просто не мог бы грешить. Для этого и выполняется таинство, представляющее собой проявление примитивной магии по аналогии: как в опечатанный сосуд ничто не может проникнуть, так и в опечатанную душу не может проникнуть грех. Такие меры вынужден принимать всесильный и всемогущий бог, чтобы подчинить себе волю человека, вместо того чтобы просто не допустить для человека саму возможность грешить.

Миропомазание применялось не только при крещении. До Октября христианская церковь стояла на страже интересов господствующих классов, освящая от

имени бога государственные порядки и власть имущих. Одним из способов утверждения божественной установленности господства эксплуататоров являлось миропомазание царей, проводившееся при короновании их на царство. Основанием для такого применения обряда миропомазания служит Ветхий завет. Например: «И взял Самуил сосуд с елеем и вылил на голову его (Саула.— Ю. С.), и поцеловал его и сказал: вот, Господь помазывает тебя в правителя наследия Своего» (1 Цар. 10:1). Высшие иерархи церкви совершали этот обряд, подтверждая таким образом божественное право царя на власть. Он становился «помазанником божьим», отвечавшим за свою деятельность только перед богом. Гнет духовный укреплял гнет физический.

Для большего воздействия на верующих процесс приготовления к мироварению оформляется как магическое, колдовское действие. Варится миро один раз в году, в Великий четверток, т. е. в четверг «страстной» недели перед пасхой, и только в Москве и Киеве, откуда затем развозится по всем церквам. В Патриарших палатах Московского Кремля экскурсанты могут видеть помещение мироварни, в котором в больших котлах раньше варилось миро. В магических же целях для приготовления миро применяют набор масел и благовоний, включающий 33 компонента, по числу лет земной жизни Христа. В новое миро вливается немного старого, чтобы сохранить его «силу» и т. п. В результате сваренное таким образом оливковое масло якобы приобретает «божественную силу». На словах православная церковь отвергает колдовство и магию как языческие суеверия, но чем отличается мироварение от приготовления колдунами различных зелий, которые якобы могут исцелять, привораживать и т. п.? Ведь цель у них одна: убедить человека, что сваренная с помощью заклинаний и ма-

гических обрядов смесь обладает сверхъестественной силой. Религиозные суеверия ничем не отличаются от суеверий языческих, поскольку в их основе лежит вера в сверхъестественные силы, в чудо, с помощью которого можно сделать то, что противоречит опыту и знаниям человека, законам природы и общества.

Реальные свойства масла (ведь раньше смазывание маслом использовалось с практической целью, так как некоторые масла и смолы оказывают лечебное действие; применяются они в медицине и сейчас) подменяются мистическими, сверхъестественными свойствами, ничего общего не имеющими с действительной их природой. Обычай превратился в обряд, а затем обряд приобрел значение таинства.

Оливковое масло — елей [1] применяется для совершения еще одного таинства — елеосвящения, т. е. освящения маслом, более известного под названием «соборование», поскольку это таинство должен совершать «собор» из семи священников. Хотя в настоящее время церковь разрешила производить таинство одному священнику, привычное название осталось. О таинстве соборования в Новом завете упоминается не в Евангелии, а в Послании Иакова. При этом выглядит обряд довольно просто: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров (священников.— Ю. С.) Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего...» (Иак. 5:14). Как мы увидим далее, таинство елеосвящения в православной традиции сильно отличается от его описания в Новом завете. В этом таинстве масло применяется уже непосредственно с лечебной целью. Соборование производится как обряд, способствующий излечению

---

[1] «Елей» по-гречески означает просто «масло».

больного с помощью «священного» масла — елея. Мы уже встречались с применением елея. Помните? Перед крещением священник «освящал» елеем воду в купели и ребенка. Правда, остается не совсем понятным, почему для освящения применялся елей, а не миро. Но уж такова особенность религиозных обрядов, а тем более таинств: чем непонятнее, тем сильнее воздействие на верующих. Теперь действие с елеем приобретает значение универсального средства от всех болезней. При елеосвящении «призывается на больного благодать божия, исцеляющая от болезней душевных и телесных». Следовательно, с точки зрения богословов, болезнь — это результат недостатка благодати, которую верующий получил при миропомазании, наказание за грехи, поэтому достаточно, чтобы бог дополнительно отпустил верующему благодати — и больной исцелится, а если и умрет, то безгрешным. Такое средневековое представление о болезни несовместимо с современным научным знанием, и, например, католицизм был вынужден отказаться от толкования елеосвящения как таинства, способствующего излечению больного, считая это обрядом церковного благословения умирающему, отпущения грехов.

Как и другие таинства, елеосвящение рассчитано на психологическое воздействие на верующего. С этой целью ритуал изобилует различными магическими действиями, которые должны вызвать у верующего представление о значимости обряда, его сверхъестественности. Перед началом таинства больной исповедуется и причащается, как говорят, «приобщается святых даров», т. е. над ним совершаются еще два таинства, во время которых он очищается от грехов с помощью святого духа, чтобы облегчить схождение на него благодати, т. е. того же святого духа, но уже в качестве целителя. В основе лечения

с помощью елея лежит суеверное представление о том, что любая болезнь — это наказание божье. Бог разрешает дьяволам мучить провинившегося перед ним человека, вызывая этим болезнь. Поэтому магические действия священника направлены на изгнание дьяволов из больного с помощью святого духа.

Само таинство елеосвящения происходит следующим образом. Вначале в порядке подготовки к таинству освящают елей, что и дало название обряду. Священник ставит на стол блюдо с пшеницей. В центре блюда помещается сосуд с елеем — оливковым маслом, смешанным с красным вином, а вокруг сосуда ставится семь зажженных свечей и кладется семь палочек, обернутых ватой,— спичец. Разместив все эти предметы, священник молится об освящении елея, после чего освященный елей должен приобрести волшебную силу, необходимую для процедуры лечения. Освящение елея производится непосредственно у постели больного, по-видимому для того, чтобы у него не возникло сомнения в том, что елей действительно освященный.

Наступает очередь лечения больного. Священник читает отрывок из Евангелия, произносит молитву об исцелении больного от телесных и духовных немощей и, обмакнув ватку на спичце в елей, мажет крестообразно лоб, ноздри, щеки, губы, грудь и руки больного (при миропомазании мазались еще глаза, уши и ноги). Вся эта операция повторяется семь раз, поэтому-то и кладется семь спичец. И в заключение читается «разрешительная» молитва, т. е. больной «разрешается», освобождается от грехов. В это время на голову его кладется раскрытое Евангелие. Обряд совершается одинаково, независимо от того, какой болезнью болен человек, и может, по желанию больного, повторяться во время болезни.

Как можно видеть из описания таинства елеосвящения, оно не имеет никакого отношения к лечению больного. Это набор колдовских действий, в основу которых положено магическое число семь, связанное с семью днями творения мира богом: семь священников, семь свечей, семь спичец, семикратное повторение молитв. В то же время нельзя не отметить, что на больного человека, особенно в тяжелом состоянии, длительный обряд, во время которого он находится в нервном напряжении, может оказать отрицательное влияние, нанести ему вред. А. А. Осипов, бывший богослов, порвавший с религией, в книге «Катехизис без прикрас» пишет: «И немало больных ускорило свою кончину и потеряло в организме последние стимулы к сопротивлению болезни после совершения над ними древнего колдовства, подновленного христианством. На моих глазах люди после совершения таинства оставались в постели еле дышащими от духоты, напряжения и усталости».

Итак, оба таинства — миропомазание и елеосвящение — связаны с тем, что с помощью священного масла верующему сообщается благодать, очищающая его от грехов. Таинственность обрядов заключается в том, что под влиянием магических действий и молитв обычное оливковое масло (елей) с добавлением благовоний (миро) или с добавлением вина приобретает чудесное свойство влиять на духовную и телесную жизнь человека. При этом никакого разумного объяснения того, почему это происходит, церковь не дает, да и не может дать.

Оливковое (деревянное) масло применяется в православии не только при совершении таинств. Так, в качестве умилостивительной жертвы растительное масло сжигается перед иконами в лампадах. Это пережиток того времени, когда сжигались жертвенные приношения богам из животных и растительных пище-

вых продуктов, а в некоторых религиях и люди. Об этом свидетельствует Ветхий завет, в котором рассказывается, как иудейский бог повелел Аврааму принести в жертву его сына Исаака. И лишь в последний момент, когда Авраам уже занес над Исааком нож, чтобы заколоть его, бог подсунул Аврааму барана для жертвоприношения взамен Исаака. Теперь же верующий ограничивается тем, что зажигает перед ликом бога, нарисованным на иконе, жертвенный огонь — лампадку с постным маслом. Эту же роль играют и восковые свечи.

Почему жертва приносится именно огненная? Здесь мы встречаем поклонение огню как очищающему средству, известное со времен первобытного общества. Овладев огнем, который согревал человека, позволял приготовить пищу, отпугивал диких животных, первобытный охотник обожествлял огонь как что-то сверхъестественное, непонятное. Огонь ведь не только помогал человеку, но, вырвавшись на свободу, выступал во время лесных или степных пожаров как стихийное бедствие, уничтожавшее все живое на своем пути. Поэтому первобытный человек приносил жертву самому огню, а затем с появлением религиозных представлений о сверхъестественных силах — богах огонь стал выполнять роль посредника между человеком и богом. Ведь в огне все исчезает. А куда все сгоревшее девается? С дымом поступает к богу, разъясняли колдуны, жрецы, а затем и священники. Поэтому свечи и лампады — это не средство освещения церкви, а жертвоприношение. Недаром бытует выражение: поставить свечку святому. Ведь верующий действительно одновременно обращается к святому с какой-то просьбой.

ИСПОВЕДЬ-ПОКАЯНИЕ

Уйдите, батюшка...
Я прожил жизнь бойцом!
Я и умру таким,
Смеясь в лицо врагу,
Проклятья посылая!

Подпольный журнал
«Народная воля»

Таинство церковного покаяния отсутствовало первоначально в христианском культе. По евангельским сказаниям покаяние и исповедь происходили при ритуальном омовении. Ведь Иоанн Креститель проповедовал «крещение покаяния для прощения грехов» (Лк. 3:3; М. 1:4), и «крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф. 3:6). Следовательно, покаяние и исповедь являлись элементами крещения, с помощью которого грехи исповедовавшегося во время омовения водой смывались и прощались богом. При этом исповедь и покаяние происходили как коллективный обряд, во время которого верующие каялись в гре-

хах непосредственно богу. Коллективное покаяние сохранялось в христианстве вплоть до XIII века и происходило публично, т. е. каждый верующий громко перечислял перед другими верующими свои грехи и каялся, прося бога простить его прегрешения. С возникновением священства, т. е. профессиональных служителей культа, божественная привилегия очищения от грехов постепенно была передана священникам и отделена от обряда крещения.

Следующим шагом превращения обряда в таинство явился переход от коллективной исповеди и покаяния к индивидуальному совершению обряда священником в первую очередь как подготовка верующего к таинству причащения. Церковь преследовала при этом двойную цель: во-первых, использовалось психологическое воздействие исповеди на верующего. Человек, рассказав другому то, что его мучает, получает облегчение, «отводит душу». Этим, в частности, австрийский психиатр Зигмунд Фрейд обосновал действие психоанализа. Религия же объясняет облегчение в результате исповеди благодатью, которую священник от имени бога передает кающемуся, отпуская ему грехи, какими бы тяжкими они ни были. Во-вторых, верующий попадал в зависимость от священника, церкви, т. к. перед лицом бога он рассказывал о всех своих поступках. Ведь церковь утверждала, что всевидящий бог и так все знает, а исповедь является проверкой добросовестности верующих перед богом.

Таинство покаяния или исповеди относится к очистительным обрядам. По разъяснению православной церкви, «от кающегося требуется искреннее сокрушение о грехах и твердое намерение впредь исправить свою жизнь, вера во Христа и надежда на его милосердие». Почему же возникает необходимость «впредь исправить свою жизнь»? Ведь, как мы уже выяснили, во

время крещения святой дух очистил верующего от первородного греха и дал ему благодать, «укрепляющую его в вере и жизни христианской». Но оказывается, этого очищения недостаточно, поскольку очищена только душа верующего. А человек греховен по своей сущности, так как вынужден удовлетворять свои телесные, греховные, по утверждению церкви, потребности. Поэтому он постоянно нарушает установленный для него богом порядок жизни, отвлекается от служения богу, совершает грехи, которые и разрушают данную ему при крещении благодать. Принцип греховности человека является одним из основных в христианстве. Самые естественные потребности человека объявляются греховными, а их удовлетворение — преступлением перед богом. Значит, человек неизбежно грешит уже тем, что вынужден эти потребности удовлетворять: пить, есть, любить, заботиться о себе и о своих близких. Грешник же, по утверждению церкви, не получит спасения, т. е. его душа после смерти тела не получит блаженства райского существования, а будет мучиться в аду.

В результате верующий попадает в сложное положение: не грешить он не может по своей человеческой природе, а как грешник — не получит спасения. И тут церковь предлагает ему выход: «покайся!» По словам Христа, «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7). В этих словах содержится разгадка сущности таинства покаяния. Безгрешному праведнику нет нужды в покаянии, следовательно, нет необходимости обращаться за этим к священнику, церкви, да и к самому богу. Он становится, таким образом, независимым от церкви, а вот это и не устраивает церковь, которая теряет влияние на верующего, поскольку у него нет страха божьего. Поэтому и появилась

поговорка: «Не согрешишь, не покаешься. Не покаешься — не спасешься».

Чтобы вернуть утраченную благодать, грешник должен покаяться в своих грехах священнику — исповедать грехи. Для того чтобы верующий сильнее прочувствовал важность этого обряда, перед тем как идти на исповедь, он должен подготовить себя говением, т. е. постом, сопровождаемым молитвой. Иногда пытаются приписать посту некое гигиеническое свойство, сравнивают пост с модным сейчас у некоторых людей лечением с помощью голодания или с разгрузочными днями. Но разгрузочные дни, лечение голодом проводятся при определенных показаниях и обязательно под наблюдением врача, иначе они могут принести непоправимый вред здоровью, и уж во всяком случае — добровольно. Пост же православная церковь объявляет обязательным для всех верующих, независимо от возраста и состояния здоровья. И не с целью заботы о здоровье человека, а со значением «благоговейного принесения жертвы»,— как разъясняет священник Вл. Ригин. «Пост,— пишет он,— продолжается несколько дней и касается как телесной, так и духовной жизни человека. Телу предписывается воздержание, то есть телесная чистота и ограничение, в различной степени, в пище — пост... Пост очищает духовную сущность человека, способствует живому восприятию мира духовного. Поэтому христианин неукоснительно соблюдает все посты, установленные Православной Церковью» [1]. Как видно, на первое место ставится именно духовная, «божественная» сущность человека. О ней, а не о здоровье человека печется церковь. Ведь таких «постных» дней православная церковь установила в году немало — 224. Это великий пост — семь недель, рождест-

[1] Журнал Московской патриархии. 1980. № 10. С. 79.

венский пост — сорок дней, петров пост — двадцать дней, успенский пост — две недели и, кроме того, так называемые однодневные посты: крещенский, воздвиженский, каждая среда и пятница недели и т. д. Во время поста из рациона исключается пища животного происхождения — скоромная: мясо, молоко, яйца, а при строгом посте, например в страстную неделю перед пасхой,— и рыба. Кроме того, в умеренном количестве должны употребляться хлеб, овощи, фрукты, так как «ум не должен рассеиваться и отвлекаться на сторонние житейские обстоятельства», как пишет тот же Вл. Ригин. Но зато молитвы ничем не ограничены! В результате строгого соблюдения поста, да если он к тому же длится семь недель, человек, истощенный физически и подавленный морально чтением молитв, в которых подчеркивается его греховность, беспомощность перед богом, мог дойти до психических расстройств, галлюцинаций, видений, которые якобы являются признаком святости.

К тому же большинство постов приходится на зиму и весну, когда с точки зрения гигиены человеку необходимо усиленное по сравнению с летним периодом питание. Это несоответствие отмечал еще М. В. Ломоносов, указывавший, что сроки и даты постов, установленные в Греции, в совершенно других климатических условиях, не могут соответствовать условиям России. Но для церкви главной была забота о «духовном» спасении человека, а не о его здоровье. Тем более, что имущие классы, да и само духовенство не страдали от постов, поскольку они имели возможность обеспечить себе достаточно питательную пищу и в условиях поста, а для беднейших слоев это ограничение в пище было достаточно тяжелым.

Как соблюдало посты само духовенство, прекрасно показала писательница Марко Вовчок (псевдо-

ним Марии Александровны Вилинской-Маркович) в «Записках причетника». Настоятельница монастыря Секлетея и священники отцы Михаил, Мордарий и Еремей едут в монастырь и остановились по дороге.

«...— Не закусить ли, отец Михаил? — ласкающим голосом, как бы предлагая не самостоятельное вопрошание, а только скромное предположение, сказала мать Секлетея...

— Сестра Олимпиада! Сестра Олимпиада! — крикнула мать Секлетея,— достань коверчик и все... Извините, отец Михаил, чем богаты, тем и рады... Не взыщите... Сестра Олимпиада, ты бы попроворней... Вот тут расстели — под деревцом... Юнец! (Это было обращено ко мне.) Иди-ка сюда, помоги!

Сестра Олимпиада, вынув из глубины повозки яркоцветный ковер, на коем были изображены порхающие фантастические птицы и не менее фантастические плоды и цветы, сыплющиеся из корзин, с помощию моею разостлала его под указанным матерью Секлетеею деревом.

Повозка матери Секлетеи принадлежала к числу тех «монастырских» повозок, о которых, может статься, благосклонный читатель не имел случая получить ясное и настоящее понятие.

То была по наружному своему виду обыкновенная неуклюжая колымага, в которой, казалось, могло вмещаться соответствующее ее размерам количество одушевленных и неодушевленных предметов.

Окинув внимательным, но тогда неопытным оком моим ее внутренность, я увидал только две пуховые подушки и скромный узелок с черствым деревенским хлебом и огурцами. Живо представив себе сокрушительные зубы отца Мордария, работающие над этим скудным запасом, я, внутренне улыбаясь, взялся за помянутый узелок с целию его перенести на разостлан-

ный под дубом ковер, но сестра Олимпиада остановила меня.

— Куда? куда? — воскликнула она шепотом.— Ты на что берешь «видимое»?

— Это «видимое»? — спросил я, недоумевающий, но желающий скрыть свое недоумение, указывая на узел с хлебом и огурцами.

— А то какое же?

С этими словами она, приподняв плечом одну подушку, погрузила руки свои в отверзшуюся глубину и осторожно вытянула оттуда две бутыли, затем еще две, еще и еще; затем, к возрастающему моему изумлению, из таинственных недр показались копченые рыбы, различных великолепных размеров, породистые поросята в вяленом виде, массивный окорок, целые гирлянды колбас всевозможных сортов, пироги, пирожки, лепешки, сахарные варения, медовые печения, прекраснейшие фрукты, одним словом говоря, все лакомые яства и сласти, какие только всеблагое провидение указало смертному на питание телес и усладительное баловство вкуса.

— Что ж ты не носишь? — вопросила сестра Олимпиада.— Носи же да расставляй все хорошенько!

— Это «невидимое»? — вопросил я, указывая на извергнутые глубинами повозки сокровища.

— «Невидимое»,— отвечала юная отшельница.

— Так у вас называется?

— Так.

— Почему ж так называется?

— Потому что называется...» [1]

Как видно из рассказа, «видимое» то, что должны были видеть верующие, а «невидимое» то, что действительно употребляло духовенство.

---

[1] Русские повести XIX века 60-х годов. М., 1956. Т. 2. С. 234—235.

Правда, в настоящее время православная церковь не так строго требует соблюдения поста в пище, ссылаясь на правило: «Пост ослабляется или совсем отменяется, по благословению священника, для тех, кто не может нести подвиг поста по причине болезни или слабости сил. Для них пост заменяется другим послушанием». Действительно, трудно сейчас заставить человека поститься во вред своему здоровью, и церковь делает упор на пост духовный.

Итак, подготовленный телесно и духовно, верующий идет в церковь получить отпущение грехов. По утверждению православной церкви, «покаяние есть таинство, в котором исповедующий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов самим Иисусом Христом». Священник, таким образом, является якобы лишь представителем Христа, который лично разрешает верующего от грехов, т. е. прощает их. Как же выглядит «видимый» обряд покаяния?

Верующий становится перед священником на колени, и тот покрывает его голову епитрахилью. Верующий обязан сообщить священнику все случаи нарушения им религиозных правил, признать себя виновным в них — раскаяться в том, что совершил. Священник наводящими вопросами помогает ему вспомнить свои грехи, а заодно и то, что интересует священника. После этого священник произносит фразу об отпущении грехов рабу божьему имярек, рукой крестит его, и в это время Христос невидимо освобождает от грехов. Епитрахиль снимается, и верующий опять безгрешен, как ребенок после крещения.

Но не всегда священник только отпускает грехи. Церковь подразделяет грехи по их тяжести. Грех может быть простым, а может быть тяжким или страшным и даже смертным. Причем мерилом тяжести гре-

ха, т. е. проступка или преступления верующего, служат не нормы, сложившиеся в обществе, а воля бога, установившего с помощью церкви ответственность верующего за свои поступки. Поэтому самым страшным, смертным грехом считаются действия или поступки, направленные на нарушение правил, установленных церковью, выступления в любой форме против религии. И если грех касается требований религии, он «тяжелее», чем любое преступление против людей. Убийство человека по этим нормам только тяжкий грех, а вот богохульство или атеизм — это грех страшный, смертный. И зачастую церковь в прошлом не только объявляла такой грех смертным, но и на деле наказывала людей смертью за выступление против религии.

Ну а если грех только тяжкий? В этом случае священник отпускает его с условием, что исповедуемый понесет определенное наказание, налагаемое священником,— епитимью. «Епитимия — значит запрещение. Кающемуся предписываются лишения, служащие к заглаждению неправды, греха, например, пост...» Священник может наложить в качестве епитимьи прочесть определенное количество раз молитву, совершить поездку на богомолье к святой иконе, пожертвовать что-либо в пользу церкви и т. п. Размер и вид епитимьи определяется священником единолично. Так, бывший священник А. А. Осипов приводит случай, когда на убийцу была наложена священником епитимья: 15 лет не есть скоромной (мясной) пищи. И только. После исполнения епитимьи преступник считал, что он искупил свое преступление перед богом и его совесть может быть спокойна.

Недаром Л. Н. Толстой писал в «Ответе Синоду»: «В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность».

А как же суд людской, закон? Здесь мы встречаемся с особенностью обряда покаяния: тайной исповеди. Поскольку считается, что верующий исповедуется в грехах непосредственно Христу, а священник лишь представляет Христа видимо, то православная церковь обещает верующему, что священник сохранит в тайне услышанное во время исповеди. Поэтому верующий может без опасения рассказывать все, вплоть до самых интимных сторон своей жизни, для того чтобы Христос мог простить ему все его грехи. Так утверждает церковь. В действительности же тайна исповеди выглядела по-другому.

13 апреля 1722 года царь Петр I указом обязал духовенство полученные на исповеди сведения о «преднамеренных злодействах против службы государевой или церкви» немедленно сообщать властям. 2 мая 1722 года уже святейший синод, высший орган русской православной церкви, своим указом разъясняет священникам, как следует выполнять царский указ: «Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему какое-нибудь несовершенное, но замышленное им воровство (т. е. преступление.— Ю. С.), наиболее же измену или бунт на государя, или на государство, или на фамилию его величества, то о таком лице немедля да объявлено будет властям предержащим. Сим объявлением духовник не преступает правила, но еще и исполняет веление господне». Как видно из разъяснения, священник должен был в первую очередь сообщать о готовящихся, замышленных или исполненных попытках выступления против самодержавия, а не об уголовных преступлениях. Политический шпионаж объявляется велением господним. И сколько верующих поплатилось своей свободой и жизнью за доверие к тайне исповеди!

Исповедь считалась обязательной, в частности перед смертью, чтобы душа умирающего попала на тот

свет очищенной от грехов. Поэтому в камеру к осужденным на казнь приходил священник, чтобы исповедовать преступника. Распространялось это правило и на революционеров, осужденных на казнь царским самодержавием. О том, как отвечали революционеры на эту заботу об их душах, свидетельствует стихотворение, помещенное в эпиграфе этой главы. Оно было помещено в подпольном журнале «Народная воля» и вдохновило И. Репина на создание известной картины «Отказ от исповеди перед казнью». Стремившиеся к высокой цели освобождения народных масс от гнета царизма и церкви, революционеры не нуждались в иллюзорном «утешении» религии. И революционер, осужденный на казнь, отказывается от исповеди, прогоняет попа, в котором видит пособника самодержавия.

Вот как описывал декабрист М. А. Бестужев в своих воспоминаниях священника, пытавшегося исповедовать его в тюрьме:

«Я совершенно отрешился от всего земного и только страшился, чтобы не упасть духом, не оказать малодушия при страдании земной моей плоти, если смерть будет сопровождаться истязаниями.

В одну из таких минут отворяются двери моей тюрьмы. Лучи ясного зимнего солнца ярко упали на седовласого старика в священническом облачении, на лице которого я увидел кротость и смирение. Спокойно, даже радостно, я пошел к нему навстречу — принять благословение, и, принимая его, мне казалось, что я уже переступил порог вечности, что я уже не во власти этого мира, и мысленно уже уносился в небо!

Он сел на стул подле стола...

— Ну, любезный сын мой,— проговорил он дрожащим от волнения голосом, вынимая из-под рясы бумагу и карандаш,— при допросах ты не хотел ничего

говорить; я открываю тебе путь к сердцу милосердного царя. Этот путь есть чистосердечное признание...

С высоты неба я снова упал в грязь житейских дрязг...

В служителе алтаря я должен был признать не посредника между земною и небесною жизнию, не путеводителя, на руку которого опираясь я надеялся твердо переступить порог вечности, но презренное орудие деспотизма, сыщика в рясе! Я не помню, не могу отдать верного отчета, что сталось со мною. Я поднялся с колен и с презрением сказал:

— Постыдитесь, святой отец! что вы, несмотря на ваши седые волосы, вы, служитель христовой истины, решились принять на себя обязанность презренного шпиона?

— Я сожалею о тебе,— отвечал он в смущении и вышел» [1].

Известно, что, когда к заключенному в Петропавловскую крепость революционеру-демократу Д. И. Писареву пришел протопоп Полисадов, Писарев отказался от исповеди, выгнал его и бросил ему вслед Евангелие.

В 1905 году даже граф Витте, премьер-министр царского правительства, в записке обер-прокурору синода Победоносцеву был вынужден признать: «Превратившись из духовного руководителя в агента полицейского надзора, пастырь потерял всякое доверие своих пасомых и нравственную связь с ними». Священники во время исповеди получали от рабочих, их жен и детей сведения о революционных настроениях и передавали их полиции.

В настоящее время православная церковь упростила обряд исповеди, возвратившись к коллективному

---

[1] Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 107—108.

отпущению грехов. Вот как производится теперь это таинство покаяния. Во время литургии в левый придел выходит священник, вокруг которого собираются верующие, желающие получить отпущение грехов. Священник обращается к ним с небольшой проповедью, которая длится 10—15 минут. В проповеди он разъясняет необходимость вести безгрешную жизнь, а поскольку это трудно, то верующий должен своевременно обратиться к церкви и покаяться в грехах. После этого священник, обращаясь к верущим, произносит формулу отпущения грехов. Желающие могут подойти и для индивидуального покаяния, но это уже не обязательная, а добровольная исповедь. Таким образом, таинство покаяния утратило свое социальное значение, свелось к формальному выполнению обряда отпущения грехов.

Следует отметить, что таинство покаяния имеет под собой серьезную психологическую основу. Человек, особенно если он что-то переживает, чем-то озабочен, хочет поделиться, излить душу порой даже человеку, которого он видит в первый раз, и, конечно, рассчитывает хотя бы на внимание, сочувствие. Исповедь — это для верующего возможность излить душу человеку заинтересованному, прощающему даже ошибки и проступки. Этого нельзя забывать.

К сожалению, в существовавшей в нашем обществе атмосфере равнодушия, когда каждый был занят самим собой и никому не было дела до других, отсутствие внимания к соседу, к коллеге по работе стало обычным, превратилось в материал для фельетонов и анекдотов. Но в нормальном обществе каждый человек должен иметь возможность быть выслушанным и рассчитывать на помощь со стороны других.

ПРИЧАЩЕНИЕ

Ужаснейшее, не перестающее, возмутительное кощунство — в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации,— уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить их в вино, то в эти кусочки входит бог; и что тот, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров; во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше; и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам бог.

Л. Н. Толстой

Таинство причащения, или как еще его называют богословы — евхаристия, т. е. благодарственная или умилостивительная жертва, с описания которого Л. Н. Толстым начинается эта книга, является важнейшим таинством христианства. Так, протоиерей А. Сложеникин, ссылаясь на правило 80 Установлений VI Вселенского собора христианской церкви, пишет: «В древней Церкви счита-

лось, что кто не был без уважительной причины за Евхаристией и не причащался три воскресных дня подряд, тот сам себя отлучил от Тела Церкви» [1]. В настоящее время православие не так строго относится к соблюдению этого правила и не требует еженедельного причащения. Православный катехизис устанавливает, что «к таинству причащения верующие должны приступать четыре раза в год или, по крайней мере, один раз, предварительно приготовив себя к этому покаянием и исповеданием своих грехов».

Как и остальные таинства, утверждает катехизис, таинство причащения установлено Иисусом Христом перед его страданиями, на тайной вечере, после совершения ветхозаветной пасхи... В этом таинстве верующий под видом хлеба и вина вкушает самого тела и крови Христовых, таинственно соединяется с Христом и делается участником вечной жизни. Как видим, в этом таинстве не участвуют ни святой дух, ни его дары. Просто верующий съедает частицу тела Христа и выпивает глоток его крови. Чтобы это людоедство, поскольку имеется в виду тело и кровь Христа-человека, не выглядело омерзительно, они даются верующему «под видом хлеба и вина». Именно «под видом», так как церковь требует, чтобы верующий не утешал себя мыслью, что это лишь символическое «богоедение». Нет, он должен быть твердо уверенным, что поедает именно окровавленный кусочек тела богочеловека Христа... В молитве, которую верующий произносит, приступая к причащению, говорится: «...еще верую, яко сие есть самое пречистое тело твое и сие есть самая честная кровь твоя». За попытку символического толкования таинства евхаристии Тридентским собором в 1545 году были отлучены христианской церкви и преданы анафеме все,

---

[1] Журнал Московской патриархии. 1980. № 5. С. 80.

кто таинство причастия понимал «только символически, фигурально, или духовно». Вера в то, что причастие является действительно телом и кровью Христа, приводило иногда к тому, что наиболее фанатичные богомолки не могли причащаться, так как причастие вызывало у них физическое отвращение как людоедство.

По своей сущности таинство причащения — это сохранившийся в христианстве пережиток первобытного элемента религиозных верований, так называемого тотемизма. На языке алгонкинов, одного из индейских племен, слово «тотем» означает «мой род». В далеком прошлом люди жили родами, все члены которых являлись кровными родственниками. Только в единстве рода люди могли противостоять стихийным силам природы, выжить в жестокой борьбе за существование. Поэтому каждый член рода заботился об его укреплении. Каждый, как мог, вносил свой вклад, обеспечивающий жизнь рода в целом, и в какой-то момент у людей разных родов возникла мысль: а что, если породниться с какой-либо силой, противостоящей роду? С животным, растением или стихией, которые играют важную роль в жизни рода. Тогда это животное, как член рода, будет помогать всему роду. По-видимому, эта мысль оформилась не сразу. Животное, с которым род породнился, становилось тотемом этого рода, его покровителем. Убийство на охоте и употребление в пищу этого животного запрещалось. Со временем, когда забылся сам факт породнения, животное стало считаться священным, принималось за предка рода и его название становилось родовым: люди-олени, люди-волки и т. п. Но в определенное время года совершалась ритуальная охота на животное-тотем. После выполнения магических обрядов, в которых люди просили животное простить их за его убийство, помочь роду, охотники убива-

ли животное, и его мясо и кровь съедались членами рода. Считалось, что при этом в людей переходят черты, присущие животному: сила медведя, хитрость змеи, зоркость орла и т. п., в зависимости от того, какое животное было тотемом этого рода. Следовательно, тотем съедали не для того, чтобы насытиться, а в первую очередь для того, чтобы укрепить единство, кровное родство людей и тотемического животного.

С развитием религиозных представлений, возникновением племенных религий, появлением племенных богов складывается обряд жертвоприношения этим божествам с целью их умилостивить. Чем сильнее или страшнее бог, тем более обильную жертву он требует. У различных народов жертвоприношение выглядело по-разному: скотоводы приносили в жертву животных, хлебопашцы — плоды своего труда: овощи, хлеб и т. п. У некоторых народов в жертву приносились люди. В ветхозаветной религии, включившей в себя пережитки языческих религий, иудеями приносились кровавые жертвы: быки, коровы, телята, овцы, козы. Но бог-отец, Яхве не брезговал и человеческими жертвами, достаточно вспомнить требование Аврааму принести в жертву своего сына. В то же время с созданием института жрецов-левитов бог часть своей жертвы уступает им. Часть жертвенных животных и других приношений поступает в распоряжение левитов, делящих жертву с богом. Таким образом, иудейские священники участвуют в совместной трапезе с богом.

Жертвоприношение меняет форму и опять приближается к тотемному обряду поедания людьми священной жертвы. Отсюда один шаг до христианского обряда причастия, поедания самого бога как жертвы, потому что богословы неоднократно заявляли: «Крестная смерть Христа заменяет жертвы всех алтарей».

Ко времени возникновения христианства в преде-

лах Римской империи сложились многочисленные религиозные культы, исповедовавшиеся народностями, включенными в состав империи. Во многих из них существовал обряд общей трапезы, имевшей ритуальное значение. Целью этих обрядов было объединение верующих, утверждение их обособленности от верующих других религий, так как в общей трапезе могли принимать участие только приверженцы данной религии. В то же время сам ритуал и его значение различались в разных культах. Так, например, в иудаизме как пережиток скотоводческого периода в праздник пасхи убивался ягненок и мясо его съедалось верующими как жертва богу, а кровью намазывались перекладина и косяки дверей, чтобы бог Яхве знал, что в доме живут верующие евреи. В культах, возникших среди земледельческих племен, в качестве ритуальной пищи выступали хлеб и виноградное вино, которые символизировали тело и кровь бога. В таком виде осуществлялся обряд причащения телом и кровью бога у поклонников фригийского бога Аттиса, иранского бога Митры, средиземноморского бога Сабазия.

Согласно Евангелию от Матфея причащение хлебом и вином установил Христос, который во время празднования иудейской пасхи «взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26: 26—28).

Значит, по словам Христа, причастие является жертвой, приносимой «во оставление грехов». В Евангелии же от Иоанна Христос в Капернауме так разъясняет значение причастия: «...если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и

пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день... Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6: 53—54, 56). Таким образом, смысл жертвы, по евангелию, заключается в том, что, во-первых, верующий с причастием получает бессмертие, так как при втором пришествии Христос воскресит его. Следовательно, верующий как бы получает свойство вечной жизни, присущее Христу, а, во-вторых, верующий и Христос становятся единым, причастным друг другу. Как пишет апостол Павел в первом послании к коринфянам: «И вы тело — Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12: 27). На этом основывается церковная формула: «Все люди — братья во Христе». Легко прослеживается аналогия между ритуалом поедания тотема и причастием. Но если у первобытных охотников в качестве священного предка съедалось тотемическое животное, то христиане на более высоком уровне развития религии, когда божества приняли антропоморфную форму, поедают человека. Почему же именно в виде хлеба и вина, а не мяса и крови животного? По-видимому, причиной этого является распространение земледелия, хлебопашества, а в районе Средиземноморья, где христианство возникло и распространилось в первую очередь,— и виноградарства. Если скотовод был заинтересован в увеличении своего стада и, убивая ягненка в жертву, рассчитывал на божественную помощь в увеличении стада, то для земледельца главной ценностью был урожай, и он приносил жертву богам — покровителям земледелия, да и заколоть ягненка доступно было не каждому. Поэтому пасхальный ягненок у православных превратился в творожную пасху, символизирующую пасхального агнца. В первых христианских общинах причащение хлебом и вином привилось не сразу. Верующие христиане продолжали приносить жертвенных животных

или же участвовали в жертвенных трапезах представителей иудаизма и других религий. Поэтому Павел был вынужден отметить, что «не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (1 Кор. 10:21). Он же подчеркивает, что причащение — это не просто совместная трапеза с целью насыщения, а «вечеря Господня». Он упрекает верующих: «...вы собираетесь, так, что это не значит вкушать вечерю Господню; ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается». И заключает: «А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение» (1 Кор. 11 : 20—21, 34). Таким образом, Павел обращает внимание верующих на то, что причастие имеет мистическое, ритуальное содержание, а не просто совместный обед верующих.

Введение причащения хлебом и вином отражало тот факт, что христианство отделялось от иудаизма как религии скотоводов и превращалось в религию землепашцев, поскольку распространялось среди оседлого, городского и деревенского населения Римской империи. На смену племенным религиям приходила мировая религия — христианство, объединявшая верующих независимо от их национальной или государственной принадлежности.

На смену племенному богу, с которым верующий непосредственно не сталкивается, не общается, с которым он поддерживает связь через жреца, приходит бог личный. Каждый верующий является частицей бога, поскольку связан с ним кровью через причастие. И хотя с появлением священства в христианстве между верующим и богом становится тот же самый жрец — священник, церковь пытается утвердить верующего в том, что в совершении таинств участвует сам бог. Тем большее значение приобретает обряд причащения, в

котором Христос присутствует, так сказать, телесно.

Таинство причащения производится во время литургии. Постоянный цикл суточных служб в православной церкви включает девять служб: вечерня, повечерие, полунощница, всенощное бдение, утреня, первый, третий и девятый час (соответственно совершаемые в 7, 9 и 15 часов) и литургия. Начинаясь с вечерни, служба заканчивается литургией или в просторечье обедней. По церковному преданию, ритуал литургии был в его настоящей форме письменно изложен в IV веке архиепископами Василием Великим и Иоанном Златоустом. Литургия проводится по строго установленному сценарию, включающему три части:

проскомидию, во время которой приготовляется причастие; в раннем христианстве верующие приносили с собой хлеб и вино, которые после освящения их «превращались» в тело и кровь Иисуса;

литургию оглашенных, общее богослужение, в котором участвовали не только крещеные верующие, но и оглашенные, т. е. готовящиеся к крещению; литургию верных, перед началом которой оглашенные должны были выйти из храма. Хотя в настоящее время оглашение в православии не производится, в составе литургии как пережиток осталось деление литургии, установленное тогда, когда это имело действительное значение. Во время литургии верных и производится обряд причащения.

Итак, подготовка к таинству начинается с проскомидии — принесения, так как в первые века христианства верующие приносили хлеб и вино, которые и «превращались» после освящения в тело и кровь Христа. В православии для приготовления причастия употребляется просфора [1], хлебец, выпеченный из кислого пшеничного теста, и виноградное вино. Просфора

---

[1] «Просфора» по-гречески — «приношение».

выпекается в виде двойного хлебца, что должно означать двойное «естество» Христа — божественное и человеческое. На верхней половине просфоры оттискивается изображение креста и букв $\frac{\text{Іс.} \mid \text{Хр.}}{\text{Ни} \mid \text{Ка}}$, что должно обозначать Иисус Христос-Победитель. Для приготовления причастия священник берет пять просфор. И начинается магическое действие по приготовлению святых даров, т. е. жертвенного приношения богу. На жертвеннике, стоящем в алтаре, священник из первой просфоры «вынимает», т. е. специальным ножом — копьем [1] вырезает, четырехугольный кусочек и кладет его на дискос — металлическую тарелку на подставке. Этот кусочек просфоры называется агнцем, т. е. означает самого Христа. В специальный сосуд — потир наливается вино, смешанное с водой, «в воспоминание того, что из прободенного ребра Спасителя истекли кровь и вода». Из второй просфоры вынимается уже треугольный кусочек в честь богородицы, который кладется справа от агнца. А слева кладутся девять кусочков из третьей просфоры в честь девяти святых. Из четвертой просфоры вынимаются частицы за здоровье живых, а из пятой — за умерших. Эти частицы укладываются на дискос под агнцем. Закончив вырезание и укладывание кусочков просфор на дискос, священник закрывает его звездицею — двумя соединенными металлическими дугами. И наконец накрывает дискос и потир «покровцами» и «воздухом», т. е. небольшими платками, на которых вышиты или нарисованы магические знаки и изображения. Приготовив таким образом «дары», священник молится, чтобы бог принял эти дары и вспомнил о тех, кто эти дары ему принес. Таким образом, проскомидия —

---

[1] Этим символически напоминается копье, которым, по евангелию, римский воин пронзил ребро Иисуса на кресте.

это не что иное, как жертвоприношение богу с целью умилостивить его по отношению к душам живых и мертвых, которое производится священником от имени верующих. По существу оно не отличается от подготовки жертвы богам в иудаизме или религиях «языческих», когда жрец закалывает жертвенных животных и собирает их кровь. В Ветхом завете подробно описывается ритуал жертвоприношения, в котором очень много внимания уделено самому процессу заклания жертвенных животных в жертву Яхве — богу иудеев (Исх. 29 : 10—27). Только в православии вместо животных священник «закалывает» просфоры и вместо крови смешивает вино с водой.

По окончании проскомидии служится литургия оглашенных. Во время богослужения производится так называемый малый выход: открываются «царские» двери, и выходит священник с евангелием, а перед ним несут две свечи. Это должно символизировать выход Христа для проповеди. Дьякон возглашает: «Вонмем! Мир всем! Премудрость! Вонмем! Премудрость, прости...», призывая ко вниманию. Заканчивается литургия оглашенных возгласом дьякона: «Елицы оглашении, изыдите», т. е. оглашенные должны выйти из храма, так как начинается таинство причащения.

Во время литургии верных дары переносятся с жертвенника на престол, также стоящий в алтаре. После молитвы начинается само таинство, о чем верующие, находящиеся вне церкви, извещаются колокольным звоном. Происходит освящение даров священником. Священник предлагает дары богу и молится «о ниспослании святого духа на него самого и дары», а затем благословляет сначала хлеб, потом вино и, наконец, то и другое вместе. Вот в этот момент и происходит, по уверению богословов, таинственное превращение хлеба в тело, а вина в кровь Христа.

Следовательно, богу в жертву приносится хлеб и вино, а затем они превращаются в тело и кровь Христа.

Для современного верующего освящение даров выглядит как таинственный обряд и не связывается прямо с богоедством. Но в первые века христианства верующие буквально представляли себе причастие как человеческую жертву. Так, в «Житии святых» приводится видение епископа Кипрского Нифонта, в котором ему якобы был прояснен смысл таинства причащения. Это видение описывается следующим образом: «Во время перенесения даров открылась церковная завеса, и раскрылось небо, и ощущалось великое благоухание. Потом стали сходить вниз ангелы с пением: «Слава Христу богу!» Они принесли прекрасного отрока, поставили его на дискос, а сами окружили престол и служили честным дарам; два же серафима и два херувима, паря над его головою, покрывали своими крылами. Когда наступило время освящения даров и совершения страшного таинства, один из светлейших ангелов приступил и, взяв нож, заколол отрока; кровь он выпустил в святую чашу и, положив отрока на дискос, сам стал снова с благоговением на свое место... По окончании святой службы Нифонт увидел, что отрок вдруг опять оказался целым — на руках ангельских и вознесся на небо»[1].

Итак, если верить Нифонту, каждый раз во время евхаристии производится убийство Христа, телом и кровью которого подменяется хлеб и вино, приготовленные в жертву при совершении проскомидии.

После освящения даров и молитвы священника об оставлении грехов и помиловании грешников тело и кровь Христа предлагаются святым. Затем царские двери закрываются, и причащаются священнослужители. Оставшаяся часть агнца дробится и вместе с час-

---

[1] Жития святых. Книга четвертая. М., 1903. С. 630—631.

тицами, вынутыми на проскомидии за живых и мертвых, опускаются в потир, т. е. в кровь. Открываются царские двери, и священник появляется перед верующими с потиром в руках, провозглашая: «Со страхом божьим и верою приступайте». Только теперь те, которые приготовились к причащению, со сложенными на груди крестообразно руками подходят к причастию, предварительно произнося исповедальную молитву. Как видим, при таинстве соблюдается строгая иерархия: сначала причащаются святые, затем священники и наконец верующие. Процесс причащения состоит в том, что верующие по очереди подходят к священнику и тот ложечкой — «лжицей» зачерпывает из чаши вино с крошками просфоры и вливает его в рот верующему. По правилам, которые не всегда выполняются, священник должен приложить к подбородку верующего полотенце, чтобы причастие не могло случайно вылиться на пол. Когда-то пролившего кровь господню на пол заставляли вылизывать ее языком. Этим же полотенцем священник вытирает губы верующего и «лжицу». К каким последствиям приводит такое причащение, можно судить по тому, что особенно стремятся получить причастие больные, так как они надеются на исцеление или на облегчение болезни.

В рассказе «Таинство святого причащения» А. Серафимович пишет о том, как однажды в деревне он зашел отдохнуть в хату. Хозяева, степенная старуха с провалившимся носом и бородатый мужчина, пили чай. Старуха пригласила гостя к столу и велела дочке налить ему чаю. Вот что пишет автор далее: «К столу смущенно подошла миловидная девушка... с милого лица вместо носа глядели две чернеющие дырочки...

— Давно это у вас?

— Давно, батюшка,— сказала с привычкой печально старуха,— вот как она родилась,— кивнула она

на дочь.— Ты не подумай, не от греховного баловства несчастье наше. Почитай дворов десять болестью этой дурной заболело. Вишь ты, приехал о те поры солдат наш деревенский и привез эту самую дурную боль. Рот-то у него весь в ранах — боялись его все, бегали от него — никто с ним не ел, не пил... Дохторица мне потом рассказывала: стало быть, солдат-то как причащался, больного гною из роту и напустил в ложечку...

— В лжицу! — сказал бородатый, потягивая чай.

— Ну, да я не умею по-священному. Напустил в ложечку, а батюшка нам и раздавал с святым причастием. Ну, вот у ней-то нос совсем, а я гундосю.

— Таинство святого причащения,— мрачно сказал бородатый.

— Митюша, садись чай пить,— громко, гнусавя, сказала старуха.

— А? — вытянув шею, напряженно ловил движение ее губ парень.

— Чай садись пить.

— Куды идтить?

— Чай, говорю, пей! — закричала она сердито.

— Отчего это он у вас?..

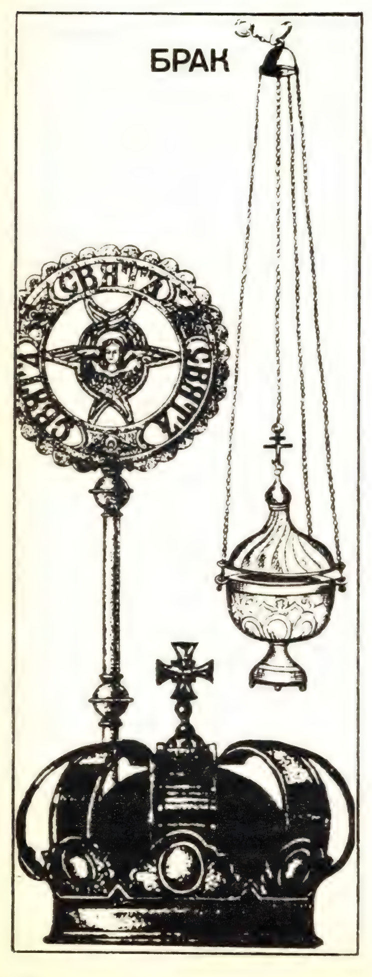
— От этого же самого. Первенький он у меня. Как девочка приняла причастие, его не было, у свекра жил. А потом привезли, он и принял эту боль. А нам невдомек. Лечили, да кабы как следует, а то лишь залечили. Она и вступила ему в ухи. Тикеть и тикеть из них. Так и оглох.

— Муж-то ваш где? На работе?

— С ума сошел. Все от нас! От нашей болести заразу принял...»

Но ведь к причастию подходят и люди грамотные, которые у себя дома ополоснут чашку, если из нее пил родственник или знакомый, о котором они знают, что он здоров. А в церкви они же берут в рот ложку, которую до этого брали в рот десятки совершенно им незнакомых людей.

БРАК

В сумерки в церковь вхожу.
Малолюдно.
Светят лампады печально
и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озареннные беглым
мерцаньем,
Тихо колеблются с робким
бряцаньем;
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь
пробежит! —
С каменных плит и со стен
полутемных
Сыростью веет; на петлях
огромных
Словно заплакана тяжкая
дверь...
Нет богомольцев, не служба
теперь —
Свадьба. Венчаются люди
простые...

Н. А. Некрасов

На первый взгляд настроение стихотворения Н. А. Некрасова не вяжется с представлением о венчании или церковном браке, которое сложилось у многих под влиянием кинофильмов, показывающих нарядно убранную церковь, священнослужителей в сверкающих парчой одеяниях, дьякона, шаляпинским ба-

сом провозглашающего молитвы, хор, ангельскими голосами воспевающий новобрачных, и прочие «прелести» церковного венчания. Тем более что в настоящее время церковный брак — редкость, и не многие могут его увидеть воочию. А уж в тех случаях, когда он совершается, священник старается придать ему внешнюю форму, которая бы более или менее отвечала сложившемуся представлению о венчании как о торжественном, радостном, незабываемом событии.

Для Некрасова церковный брак не был чем-то необычным, он видел и другую сторону венчания; обязательную процедуру, которой церковь закрепляла свои права на вновь создаваемую семью, именем бога отдавала женщину во власть мужа на всю их жизнь. «Брак совершается на небесах,— утверждают богословы,— и только бог может расторгнуть брак». Таким образом, церковь якобы гарантирует прочность семьи от имени самого бога. Брак из добровольного союза мужчины и женщины превращается в святое таинство, вместо социального факта создания семьи на первый план выдвигается выполнение божественной воли. Но, как показывает опыт, гарантия эта имеет лишь одну сторону. Авторитетом бога закрепляется господство мужа над женой, лишение ее всех прав как в обществе, так и в семье. Библия недвусмысленно закрепляет за женщиной положение рабы мужа. Ведь в соответствии с законом, данным Моисею самим богом на горе Синай, жена является таким же имуществом мужа, как его дом, рабы, скот. В своих посланиях к верующим апостол Павел так определяет место женщины в семье: «...не муж создан для жены, но жена для мужа» (1 Кор. 11 : 9), «...жена да боится своего мужа» (Еф. 5 : 33), «...учить жене не позволю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (1 Тим. 2 : 12). Правда, современные богословы пытаются смягчить

высказывания Павла. Так, имеются попытки доказать, что Павел якобы писал: «Жена да уважает мужа», а при переводах смысл был искажен. А как же тогда быть с остальными его высказываниями? Ведь они прямо утверждают полное подчинение жены мужу.

Дело вовсе не в злой воле Павла или переводчиков. В Библии закреплены реальные черты отношения к женщине в обществе, в котором возникли те или иные ее книги. Экономическое бесправие женщины дополнялось и ее духовным унижением. Религия лишь теоретически обносновывала существовавшее фактически неравенство мужчины и женщины. Для этого привлекались библейские легенды, ведь первая женщина — Ева, по утверждению Библии, была создана богом из ребра Адама. Значит, она является его частью и не может существовать самостоятельно, так как в Адама бог вдохнул душу, а об одушевлении Евы ничего не сказано. На этом основании христианские богословы длительное время отрицали наличие души у женщины, приравнивая ее к животным. Только в 585 году н. э. на церковном соборе в Маконе вопрос о наличии души у женщины был поставлен на обсуждение. Длительные, ожесточенные споры не привели к соглашению, и богословы были вынуждены поставить вопрос на голосование. Большинством в один голос было признано, что женщина имеет душу, а значит, и разум. Но формальное признание женщины человеком не изменило унизительного отношения к ней со стороны христианства.

С целью утвердить неполноценность женщины христианские богословы и духовенство изображали ее как виновницу всех несчастий, постигающих человеческий род. «Отцы церкви» неоднократно пытались обосновать такое отношение к женщине. Христианский богослов святой Ефрем Сирин в IV веке н. э. писал в «Слове о злых женах»: «Жены ради Адам был изгнан

из рая, царей Давида и Соломона жены погубили, Ной праведный от жены напоен вином, жена хотела погубить Иосифа. Далила мужа своего Самсона, остригши, иноплеменникам предала, Иродиада усекла голову Иоанна Крестителя, а Евдокия заточила Иоанна Златоуста». Библейские мифы призваны доказать истинность точки зрения христианства на женщину, оправдать ее социальное угнетение. Еще более определенно христианские взгляды на женщину выражены в широко распространявшейся до революции лубочной картинке «Слово Василия Великого о злых женах», в тексте к которой говорилось: «Что есть злая жена? Сеть, дьяволом сотворенная, прельщает человека лестью, светлым ликом, высокими очами поманивает, ланиты складывает, языком поет, гласом скверным глаголет, словами чарует, ногами играет, злыми делами обаяет и убивает, многих язвит и губит... Око дьявола, торг адов, проказливая святым обложница, сатанин праздник, покоище змеино, стрела сатанина, цвет дьявольский, спасенным соблазн, воевода неправедный, безысцельная болезнь...» и т. д. Как видим, богослов не жалеет бранных эпитетов по адресу «злой жены», под которой подразумевалась женщина вообще.

Таким образом, христианство волей бога закрепляло положение женщины, сложившееся в период распада первобытнообщинного строя. Как известно, для этого времени характерно отношение к женщине как к хранительнице очага, распоряжавшейся имуществом, принадлежавшим всему роду. В полигамной семье, объединявшей род, родство считалось по матери, соответственно женщина-мать играла определяющую роль в роду. В период классового расслоения общества складывающиеся частнособственнические отношения привели к появлению моногамной семьи, главой которой стал мужчина. Это объясняется тем, что

имущество, ранее бывшее общим, родовым, сосредоточивается в руках отдельных представителей бывшей общины, становится их частной собственностью. А частная собственность передается по наследству детям мужчины, владельца собственности, в первую очередь сыновьям. В результате семья становится экономической ячейкой классового общества, а затем государства, повторяющей в миниатюре общественные отношения, сложившиеся к этому времени: муж — глава семьи, хозяин всего семейного имущества, жена и дети полностью подчинены ему.

Создание новой семьи в этих условиях подчинено соблюдению экономических интересов, объединению и укрупнению семейной собственности. Муж обязан приумножать накопленное имущество, а жене в богатых семьях предназначается роль продолжательницы рода, а в бедных — и роль работницы.

Взаимная любовь супругов была чистой случайностью; будущих мужа и жену определяли родители, исходя из хозяйственных интересов. Зачастую их обручали еще в детстве. Часто жених и невеста впервые видели друг друга только во время свадьбы. При крепостном праве в России помещик по своей прихоти женил крепостных, невзирая на их чувства друг к другу. В семье же воля отца определяла судьбу дочери. Помните, у Пушкина в «Евгении Онегине» разговор Татьяны с няней:

И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь.—
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет.
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха

К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала от страха,
Мне с плачем косу расплели
Да с пеньем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...

В книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев писал, как мимо него проезжала свадьба. Но вместо радости на лице жениха и невесты были печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властью господина влекутся на казнь. И служитель божий утверждает этот брак.

Мало того, помещик мог продать мужа, жену и детей разным хозяевам. Воля помещика оказывалась сильнее воли божьей.

С развитием капитализма брак открыто принимает форму купли-продажи. В расчет берется в первую очередь имущество жениха или приданое невесты. Дочь становится обузой в семье, ее стараются сбыть с рук, поскорее выдать замуж. Ведь в крестьянской общине земельный надел нарезался по количеству мужских «душ». А в аристократических и купеческих семьях дочерей воспитывали как будущих жен, обязанных создавать удобства для мужа, но не имеющих трудовых навыков и не способных содержать даже самих себя. В результате молодая женщина оказывалась в полной власти мужа. Даже ее паспорт находился у него.

В русском искусстве имеется много произведений, посвященных тяжелой участи женщины в семье. Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой в своих произведениях показывают бесправное положение женщины в крестьянской, купеческой и аристократической семье. Образы Арины — солдатской матери, Катерины, Анны Карениной вошли в золотой фонд мировой литературы. Яркие произведения, посвященные судьбе женщин, создали и русские художники.

Вспомните известные картины: «Перед венцом» Ф. С. Журавлева, «Неравный брак» В. В. Пукирева и другие. Богатый старик мог фактически купить девушку у родителей. И церковь освящала это издевательство над женщиной, погубленную жизнь.

Много примеров унижения женщины, жены, матери приводит в своих произведениях А. М. Горький. Вот как описывает он в были «Как ее обвенчали» таинство брака, которое ему пришлось наблюдать в 1896 году:

«Перед венцом невеста,— как это и надлежит по ритуалу старины,— была посажена на хлеб и на воду в темную комнату. Сколько времени там она сидела, оплакивая предстоявшую ей участь — жить долгие годы с нелюбимым человеком,— неизвестно, но, должно быть, она или немало сидела, или очень уж много плакала. Когда ее сажали в карету, дабы отвезти в церковь,— она еле стояла на ногах, и на вспухшем от слез лице дрожали судороги сдерживаемых рыданий. Она еле держалась на ногах, вся как-то опустившаяся книзу, бессильная и безвольная. У церкви, входя на паперть, она беспомощно оглянулась вокруг, как бы ища себе защиты,— и чуть не упала со ступенек назад. Поддерживаемая сзади шафером, она еле ходила вокруг налоя и на роковой вопрос священника не сказала своего «да», она даже и не кивнула головой в ответ ему, окаменевшая от мук, переживаемых ею. На жениха не действовало страдание рядом с ним: довольный и спокойный, он хладнокровно таскал свою невесту за руку вокруг налоя, и лицо его сияло... как кирпич на солнце. Исаия ликовал. Невеста еле сдерживала рыдания... В церкви было много публики, вся она смотрела на драму с любопытством, и глухой шепот ее наполнял своды вместе с запахом горящего воска и льна. Церемония кончена, и, шатаясь, невеста пошла вон из церкви.

— Какая изму-ученная! — шептали сострадательные люди.

Но что в этом сострадании человеку, уже погибшему! Да, наверное, и не слыхала новобрачная этого шепота за биением своего сердца, проданного в пожизненное владение человеку, чуждому ей,— человеку, который возбуждал в ней только трепет ужаса и отвращение. Вот она вышла из церкви, села в карету и, резким жестом руки сорвав с своей головы венчальный убор, бросила его в ноги новобрачному на пол кареты. Это как бы напугало его,— он отодвинулся в угол, дверца захлопнулась и снег жалобно заскрипел под колесами экипажа, увозившего так много страдания...» В следующей статье А. М. Горький сообщает, что невеста через несколько дней после венчания сделала попытку отравиться. Вот вам и «брак, заключенный на небесах».

Что же представляет собой обряд, называемый таинством брака? Сложился он позже всех остальных таинств христианства — в XIV веке. В России церковный брак был принят в 1551 году на Стоглавом соборе, а обручение было включено в церковный обряд лишь в XVIII веке. С введением церковного брака он был объявлен единственной законной формой брака. Как утверждает катехизис: «В таинстве брака благословляется супружеский союз и испрашивается у Бога благодать к благословенному рождению и воспитанию детей». Без освящения церковью брак не признавался, а дети, рожденные в таком браке, считались незаконнорожденными. Церковный брак служил укреплению религиозного разделения людей. Сводом законов уголовных Российской империи запрещалось православным верующим вступать в брак с иноверцами. А нехристиане, вступающие в брак с христианами неправославной веры, были обязаны давать подписку, что родившихся в браке детей они будут воспи-

тывать христианами. Статья 190 Свода законов предусматривала: «Родители, которые быв по закону обязаны воспитывать детей своих в вере православной, будут крестить их или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского вероисповедания, присуждаются за сие: к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев. Дети отдаются на воспитание родственникам православного вероисповедания или, за неимением оных, назначаемым для сего от правительства опекунам, также православной веры». Церковный брак отдавал в руки церкви новую семью, главнейшей обязанностью которой, таким образом, становилось воспитание у детей преданности православию.

В самом обряде венчания причудливо сплелись элементы дорелигиозных обрядов с мистическими представлениями христианства, первобытная магия с обращениями к Христу. Сам обряд состоит из двух частей: обручения и венчания. Первоначально эти части были оторваны друг от друга. Обручение означало лишь обязательство девушки и юноши заключить брак. Поскольку обручали обычно детей по воле родителей, то обмен кольцами, который являлся официальным признаком обручения, отнюдь не свидетельствовал о том, что будущие жених и невеста питают друг к другу какие-либо чувства. Обряд закреплял волю родителей, решивших «породниться» через детей. Со временем православие решило и этот обряд подчинить своему влиянию, включив его в таинство бракосочетания.

Обручение производится в притворе церкви. Дело в том, что церковь внутри делится на три части: притвор, или паперть,— место у входа, где раньше стояли оглашенные и кающиеся; затем идет средний храм — то место, на котором молятся, и наконец — алтарь. Впереди среднего храма находится амвон, на котором

дьякон читает Евангелие, а по бокам расположены клиросы — места, на которых располагаются певцы. То, что обручение производится в притворе, должно подчеркнуть, что это только приготовление к таинству. Жених стоит справа (поскольку правая сторона более почетна. Ведь справа у христиан находится ангел-хранитель), а невеста — слева (на стороне злых духов). Уже с первых шагов церковь указывает будущей жене ее место в семье.

Выйдя из алтаря, священник трижды благословляет жениха и невесту зажженными свечами, что должно означать символически очищение их с помощью огня. После этого, прочтя соответствующие молитвы, священник надевает жениху и невесте кольца. При этом сначала жениху надевается золотое кольцо, а затем невесте — серебряное. Заканчивается обручение словами священника: «Ты, господи, с самого начала создал мужчину и женщину, и от тебя дается мужу жена в помощь и для воспроизведения рода человеческого». После этого начинается обряд венчания, т. е. само таинство брака.

Жених и невеста выводятся на середину церкви и становятся перед аналоем. Священник обращается с вопросом сначала к жениху, а затем к невесте: «Имаши ли произволение благое и непринужденное и крепкую мысль пояти себе в жену (мужи) сию, юже зде пред тобою видеши? И не обещался ли еси иной невесте (жениху)?» Очевидно, что обращение это лишь формальность, как видно из случая, описанного А. М. Горьким. Даже если невеста ответит «нет», ее ответ в расчет обычно не принимался. После молитвы священник возлагает венец сначала на жениха, произнося «Венчается раб божий... рабе божьей... во имя отца и сына и святого духа». Повторив трижды эти слова, священник то же самое проделывает с невестой. Жених и невеста обвенчаны.

Затем священник читает апостольское наставление из послания апостола Павла к ефесянам: «Жены своим мужам повинуйтесь, якоже Господу; зане, что муж глава есть жены, якоже и Христос глава церкви... А жена да убоится мужа», и выдержку из Евангелия о свадьбе в Кане Галилейской. Из алтаря выносится чаша с вином, и священник трижды дает отпить из нее сначала жениху, а затем невесте в знак того, что они, соединяясь между собой, должны делить вместе и радость и горе.

Обвенчанные трижды обводятся вокруг аналоя «в знак духовной радости и торжества», поднимаются на амвон и целуют иконы. После напутственного слова священника хор поет многолетия. Таинство закончено, и муж становится полным господином жены, что неоднократно подчеркивается в течение обряда.

Как уже говорилось ранее, цель брака — в первую очередь узаконить рождение детей — наследников имущества. Поэтому и «испрашивается у бога благодать к благословенному рождению и воспитанию детей». Очень долго люди не знали истинной причины рождения детей. Даже в 1853 году в «Руководстве к повивальному искусству» профессор Матвеев писал об оплодотворении: «Без сомнения, это есть одна из самых сокровенных тайн природы, которую, вероятно, нам никогда не удастся раскрыть вполне»[1]. Следовательно, считали наши далекие предки, зачатие связано со сверхъестественными силами, духами, которые и оплодотворяют женщину. Для того чтобы муж и жена имели детей, необходима помощь этих духов. Обряд бракосочетания и выражал обращение к ним. В земледельческих племенах наиболее могущественными считались духи растений. Колдовские действия должны

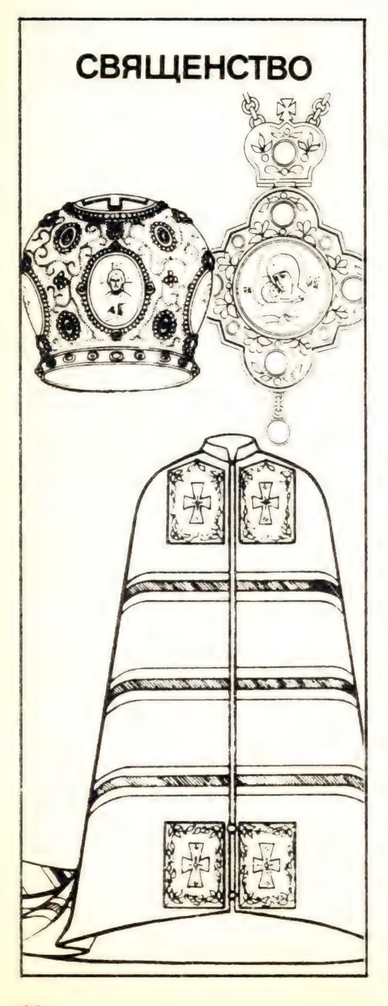
[1] Матвеев А. Руководство к повивальному искусству. Киев, 1853. С. 28.

были обеспечить получение плодоносящей силы, заключенной в растениях. Для этого жениха и невесту обводили вокруг дерева: дуба, ракиты, ели. С этой же целью на голову жениха и невесты надевали венки из цветов или листьев, молодых осыпали зернами пшеницы, хмелем, бобами. Силы природы должны были помочь молодым в рождении детей.

Церковь видоизменила форму колдовских действий, включив их в обряд. Вместо дерева невесту и жениха трижды обводят вокруг аналоя, а вместо венков на голову им надевают венцы «в знак того, что они до брака жили честно и побеждали страсти». Языческих духов природы заменяет святой дух, а колдовские действия приобретают мистический смысл, но принципиального различия между языческими и христианскими обрядами брака нет. Так же задолго до христианства возник обычай обмена кольцами при обручении. Кольца символизировали ту цепь, которой были якобы скованы на всю жизнь муж и жена. При обручении мужу надевается золотое, а жене — серебряное кольцо. В 1904 году епископ Гермоген в книжке «О святых таинствах» писал:«Золотое кольцо означает преимущество мужа в супружеской жизни перед женой, как солнце имеет преимущество перед луной».

Церковь отрицает возможность расторжения церковного брака. К каким последствиям это приводило, показал Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина».

В декабре 1917 года Декретами ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» был признан законным лишь гражданский брак, а церковный объявлен частным делом брачующихся. Таким образом, церковный брак потерял в нашей стране юридическое значение.

Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость.

В. И. Ленин

Итак, перейдем к рассмотрению таинства священства, о котором в катехизисе говорится: «В таинстве священства подаются избранным людям дары святого духа, потребные для служения церкви Христовой». Из определения следует, что в этом таинстве дары святого духа, которые каждому верующему были даны при крещении, теперь подаются только избранным кем-то людям, поскольку эти дары потребны для служения церкви.

Возникает вопрос: кем и по каким признакам из-

бираются эти люди и почему дары святого духа оказываются «потребными» для служения церкви? Первоначально в раннем христианстве не было священников, т. е. профессиональных служителей культа. Каждый верующий непосредственно общался с богом, поскольку христианство провозгласило равенство всех верующих перед богом. В Евангелиях и Деяниях святых апостолов неоднократно упоминается об обращении бога, ангелов, святого духа к отдельным людям или к группам людей. В Новом завете термин «священник» употребляется только по отношению к иудейским служителям культа. Апостолы, пророки не являлись священниками. Сам культ в то время, как мы уже знаем, еще не сложился и ограничивался совместной молитвой и трапезой. Отдельные христианские общины существовали самостоятельно, и связь между ними осуществлялась странствующими проповедниками, которые, обходя общины, сообщали новости и осуществляли миссионерские обязанности, проповедуя христианство. Как видно из текстов посланий апостолов, среди этих проповедников встречались и просто охотники пожить за счет общины.

Поскольку в некоторых христианских общинах велось совместное хозяйство, из среды верующих выделились дьяконы, которые ведали организационно-хозяйственными делами общины. Никаких культовых обязанностей дьяконы в это время не выполняли. С распространением христианства и увеличением общин начинается организация христианской церкви. Для руководства общинами избираются епископы, к которым полностью переходит власть в них, а дьяконы становятся их помощниками. Во второй половине II века происходит разделение христианских общин на мирян и служителей культа — клир. Появляются профессиональные служители культа, которые уже не избираются, а назначаются, «рукополагаются» на руко-

водство общиной другими епископами. Демократическое управление общин заменяется руководством епископата. Высшим руководящим органом христианства становятся соборы епископов, местные, а затем и вселенские. Происходит объединение местных общин, и в начале III века появляются епископы областей, которые в VI веке стали называться архиепископами. А в IV веке епископы крупнейших городов восточных провинций Римской империи начинают именоваться митрополитами и патриархами. Складывается церковная иерархия, повиновение которой вменяется в обязанность каждому христианину.

Разделение верующих на клир и мирян вызвало необходимость утверждения за представителями клира права на руководство мирянами. В основу этого права была положена способность священников действовать якобы от имени бога, осуществлять связь между богом и верующими. Согласно евангелиям, апостолы могли совершать чудеса с помощью святого духа от имени самого бога. Как мы неоднократно видели, основная обязанность святого духа — сообщать верующему во время таинств благодать, т. е. прощать ему грехи от имени бога. Принцип греховности человека, утверждаемый христианством, требует, чтобы верующий время от времени получал прощение от бога, так как считается, что грехи человека уменьшают количество благодати. Священникам и была присвоена эта «способность» святого духа. По утверждению богословов, при посвящении в священники, во время совершения таинства священства на верующего нисходит избыток благодати от святого духа. Священник получает способность прощать грехи от имени бога, принимая грехи верующего на себя, т. е. передавая часть этой избыточной благодати верующему. Поскольку количество избыточной благодати не определено,

священник получает возможность прощения любых грехов без уменьшения своей благодати.

Остается только оформить процесс получения священником свойства выступать от имени бога. В таинстве священства таким моментом является обряд рукоположения. Задолго до появления христианства возникла вера в то, что определенные люди — жрецы, короли — могут воздействовать на недуги человека, возлагая на него руки. По-видимому, в этом проявлялась вера в магию по аналогии: так же как человек создает вещи с помощью рук, он может воздействовать на сверхъестественные силы, приносящие человеку недуги.

В Евангелии утверждается, что во многих случаях Христос и его апостолы излечивали больных простым прикосновением. Вера в чудодейственную силу рук привела в свою очередь к вере в то, что подобные сверхъестественные способности священника могут передаваться другому человеку при рукоположении. Так, в «Деяниях святых апостолов» описывается случай, когда по указанию бога Ананий, возложив руки на Савла, исцелил его от слепоты и исполнил святым духом (Деян. 9: 10—18). После этого Савл (в дальнейшем — Павел) получил возможность исцелять больных, совершать чудеса (Деян. 13:11; 14:9—10) и рукополагать пресвитеров (Деян. 14:23).

В современном православии клир делится на церковнослужителей: причетник, пономарь, псаломщик, которые выполняют хозяйственно-вспомогательные обязанности в церкви, и священнослужителей, участвующих в богослужении. Рукополагаются только священнослужители. Главных степеней священства в православии три: дьякон, священник и епископ. Кроме того, каждая степень имеет свои подразделения. Так, степень дьякона включает еще старшего дьякона — протодьякона и высшую степень — архидьякона. Соответ-

ственно священники делятся на иереев (пресвитеров, попов), протоиереев и архиереев, а епископы могут иметь сан архиепископа и митрополита. Высший чин — епископ может совершать все таинства, в том числе посвящать в священники, кроме того, он освящает миро, храмы и другие предметы богослужения. Священник может совершать все таинства, кроме таинства священства. Дьякон только помогает епископу или священнику при совершении богослужений.

Кроме того, все православное духовенство делится на черное, т. е. священников, принявших монашеский обет, и белое, к которым относятся священники, не связанные монашеским обетом ухода из мира. Белые священники имеют право жениться, иметь детей. Все высшие должности в православии занимает черное духовенство. Таким образом, создается сложная иерархическая система, во главе которой в православии стоит патриарх.

Посвящение в сан призвано произвести на верующих впечатление сверхъестественного действия, поэтому оно очень торжественно обставляется, причем сам обряд посвящения совершается по-разному в зависимости от того, в какой сан возводится посвящаемый. Наиболее пышно обставляется посвящение в епископы. Совершается оно несколькими епископами. Перед началом литургии посвящаемый громко произносит символ веры. Затем во время литургии он вводится в алтарь, становится на колени перед престолом, а участвующие в посвящении епископы кладут ему на голову правые руки. Над головой держат раскрытое Евангелие. Старший из епископов читает молитвы посвящения. После этого на посвященного надевают архиерейские одежды, и он вместе с рукополагавшими его епископами заканчивает литургию. По окончании литургии на посвященного надевается архиерейская мантия и ему вручается жезл.

Различие в рукоположении дьякона и священника заключается только во времени: священник посвящается до освящения даров, а дьякон — после этого. Посвящение производит один архиерей, который сидит в алтаре у левого угла престола. Посвящаемый через царские врата подводится к нему для благословения, а затем под пение хора обводится трижды вокруг престола и становится у правого угла престола на колени. Архиерей возлагает ему на голову край омофора и руку, молится о ниспослании на посвящаемого святого духа. В это время певчие поют по-гречески «Кирие элейсон» («Господи, помилуй»). На посвященного надеваются священнические одежды. При этом после надевания каждого предмета архиерей возглашает, а певчие поют «аксиос» — достоин.

Как видно из описания таинства, вся его суть сводится к тому, что при возложении руки старшего по степени священника на посвящаемого якобы сходит святой дух. Все остальные действия служат только для того, чтобы оказать психологическое воздействие на присутствующих верующих. На их глазах священник получает от бога таинственную силу, дающую ему возможность прощать грехи. Чем выше его сан, тем большей силой он обладает. Это подчеркивается и одеждой священника, которая отличает его от верующих и считается священной.

На дьякона надевается стихарь — длинная одежда с широкими рукавами. Поверх стихаря на левом плече носится орарь — длинная лента с нашитыми на ней крестами, а на руки надеваются поручи, которые символизируют веревки, связывавшие Христа. Священник надевает подризник (в просторечии — подрясник), тот же стихарь, но с узкими рукавами, а поверх него ризу (рясу), круглую, обычно парчовую одежду без рукавов. На шее носят епитрахиль, тот же орарь, но застегивающийся спереди на пуговицы, а на голове —

камилавку — круглую бархатную шапку или скуфью — высокий головной убор из фиолетового бархата. И наконец, поверх епитрахили надевается пояс. Архиерей вместо ризы надевает саккос — короткий стихарь с широкими рукавами, а поверх саккоса — омофор, широкую ленту с изображением крестов, один конец которой опускается вперед, а другой назад, на голову надевается митра (от греческого «mitra» — «головная повязка»), символизирующая терновый венец Христа. Кроме того, архиерей получает посох и орлецы (коврики, на которых он стоит во время службы). И наконец, как отличительный признак священника — длинные волосы, борода и усы, так как в волосах якобы таится сила, которая исчезает, если их обрезать. По всей видимости, эта традиция восходит к ветхозаветной мифологической истории о том, как Далила, обрезав волосы у Самсона, лишила его силы, и он был побежден.

Итак, священник рукоположен, одет и может выполнять «долг служения церкви», проявляя, как пишет катехизис, «особую заботливость как пастырь стада Христова о доброй жизни христиан, вверенных его руководству». Вот здесь и можно вспомнить слова В. Г. Белинского: «...неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?.. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства?»

Почему же духовный руководитель находился «во всеобщем презрении у русского общества и русского народа»? Потому, что народ воспринимал духовенство как разновидность эксплуататоров, государственных чиновников, верой и правдой служивших самодержавию. Петр I, отменив патриаршество, лишил православие даже видимости самостоятельности, превратив синод в государственное учреждение. Самодержавие

угнетало трудящихся физически, а церковь — духовно, оправдывая и поддерживая авторитетом бога угнетение большинства меньшинством.

«Пастыри духовного стада» отнюдь не являлись образцом благочестия. Паразитическая жизнь, охраняемая государством, приводила к тому, что духовенство вместо «божественной благодати» стремилось к накоплению земных богатств. Недаром корыстолюбие и жадность попов вошли в народные пословицы и поговорки. Требуя от верующих беспрекословного выполнения норм религиозной морали, духовенство отнюдь не считало их обязательными для себя.

Отделение церкви от государства после Октябрьской революции лишило духовенство политической, экономической и социальной роли в обществе, а также привилегий, с помощью которых самодержавие превращало духовных пастырей в своих верных служащих.

Однако, как известно, в нарушение марксистских принципов отношений между государством и церковью духовенство, как и рядовые верующие, в период культа личности Сталина подвергались репрессиям вплоть до физического уничтожения, а затем, до последнего времени, дискриминационным мерам со стороны командно-административного партийно-государственного аппарата.

В процессе перестройки духовенство русской православной церкви получило возможность принимать участие в возрождении общечеловеческих моральных ценностей, в том числе традиций милосердия, в восстановлении памятников истории и культуры, созданных народом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы закончили рассмотрение семи святых таинств православной церкви. В основе этих таинств лежит утверждение церкви о наличии сверхъестественного, чувственно не обнаруживаемого и разумом не постижимого бога, вмешательство которого определяет всю жизнь человека, его судьбу. Таинства, форма которых якобы установлена Христом, и являются теми моментами в жизни верующего, когда осуществляется такое вмешательство бога. При посредстве священнослужителей верующий вступает в связь с богом, в результате которой на него нисходит благодать, обеспечивающая ему вечное блаженство в загробном мире. Видимые действия священника сопровождаются невидимыми вмешательствами святого духа или самого Христа, как различных ипостасей триединого бога. Вне такого истолкования эти действия теряют всякий смысл.

Но сам факт установления таинств Христом ничем не обоснован, тем более не имеют реального основания действия, производимые священником, совершающим таинства. Ведь единственным источником, из которого церковь получает божественные указания, является священное писание — Библия. А как мы уже видели, о большинстве таинств в Библии даже не идет речь. Если же там и упоминаются некоторые элементы обрядов, совершаемых во время таинств, то они или

имеют другое, чем то, которое им приписывается церковью, содержание, или же отличаются по форме выполнения, например миропомазание. И действительно, содержание и форма святых таинств со времени их возникновения и до настоящего времени неоднократно менялись. Да и сейчас многие элементы таинств выполняются не так, как это предусматривалось соответствующими решениями церковных соборов, установивших в свое время порядок действий при совершении таинств. Это лишний раз подтверждает тот факт, что таинства не являются божественным установлением. Ведь если бы они были установлены богом, церковь, а тем более отдельные священники за отступление от воли бога, по-видимому, были бы наказаны. Таким образом, при внимательном рассмотрении оказывается, что таинства, выполнение которых должно укрепить веру людей в сверхъестественное вмешательство бога, в своей основе опираются на безусловную веру в наличие этого бога и теряют всякий смысл, если этой веры нет.

В то же время тщательная разработка ритуала таинств рассчитана на психическое воздействие на верующего. Отсутствие реального содержания таинств подменяется символикой действий, не всегда понятных верующему, но создающих видимость их обоснованности сверхъестественностью цели, которая достигается в результате определенной последовательности и формы этих действий. Для придания большей торжественности и внушительности таинства обычно объединяются, элементы обряда повторяются в различных таинствах. Отчасти это можно объяснить тем, что сам набор магических действий не так уж велик: молитвы, магия чисел, мягия по аналогии, магия прикосновений, так же как и набор магических средств: вода, масло, вино, хлеб, огонь. Поэтому они и повторяются в различных комбинациях в таинствах.

Так, крещение объединяется с миропомазанием, а в сам обряд крещения вводится елеосвящение. Перед совершением таинства причастия обязательно покаяние. При этом от верующего требуется активное участие в совершении таинств, чтобы сделать его сопричастным тем сверхъестественным явлениям, которые якобы происходят во время таинства. Он крестится, произносит молитвы, пьет вино при причащении или бракосочетании. Его мажут елеем или миро и т. п.

Привычность этих действий, поскольку многие таинства повторяются через некоторые промежутки времени в течение всей жизни верующего, создает у него соответствующий психологический настрой, как определяет современная психология, «установку», выражающуюся в соответствующем эмоциональном отношении к происходящему, усиливаемом влиянием окружающих. Ведь всем известно, что даже человек, случайно оказавшийся в толпе, охваченной каким-либо сильным возбуждением, может поддаться этому возбуждению и проявить эмоции, которых в других условиях ожидать от него просто невозможно. И церковь умело играет на чувствах верующих, накаляя их эмоции во время совершения таинств, вызывая эмоциональную разрядку.

Отличительной особенностью религиозных таинств по сравнению с народными, национальными обрядами является их обращенность к отдельному человеку. Общественные связи людей не участвуют в содержании таинств и не принимаются в расчет. Любое таинство относится только к связи между конкретным, отдельным верующим и богом. Само наличие общества игнорируется. Ни в одном таинстве нет и намека на то, что человек живет в обществе, что у него имеются какие-то права и обязанности перед другими людьми. Человек отчуждается от общества: «Каждый за себя, один бог за всех». Создается иллюзорное впечатление, что

человек независим от общества. Общественные связи вытесняются в сознании верующего связью с богом, якобы основой его существования. Общественный долг подменяется долгом перед богом. Таким образом, таинства выступают как система обрядов, закрепляющих в сознании людей индивидуализм, снижающих общественную активность верующих. Ведь каждый обязан заботиться лишь о сохранении своей благодати, о личном спасении. Это придает православным таинствам неизбежный характер утверждения бренности, бесполезности жизни человека. Человек только родился на белый свет, а при крещении его заранее готовят держать ответ перед богом за грехи, которых он еще не мог совершить, и тем более за грехи, к которым он никакого отношения не имеет. И так при совершении каждого таинства, всю жизнь человеку напоминают о том, что он должен готовиться к смерти, к необходимости дать ответ за свою жизнь перед богом.

Становление Советского государства сопровождалось отходом многих людей от религии. Но длительное время выполнение таких религиозных таинств, как крещение, бракосочетание, сохранялось не только среди верующих, но и среди части неверующих по традиции. В период сталинщины идейная борьба с религией как мировоззрением была подменена незаконными насильственными мерами по отношению к духовенству и верующим: разрушались храмы, репрессировались священники и верующие. В качестве противовеса религиозной обрядности предпринимались попытки создать новые безрелигиозные советские обряды: комсомольские свадьбы, октябрины вместо крестин и т. п. Но, оторванные от народных традиций, формальные мероприятия не прижились. Вместе с тем забывались истинно народные обряды и традиции, обрядовый фольклор.

Попытки создать безрелигиозные обряды и традиции предпринимались в разное время. И некоторые начинания были успешны. Так, в 1959 году в Ленинграде был открыт первый в Советском Союзе Дворец бракосочетаний. С тех пор во дворцах бракосочетаний или в соответственно оформленных помещениях при ЗАГСах миллионы молодоженов заключили браки в торжественной обстановке.

В то же время следует отметить, что некоторые новые гражданские традиции и обряды, внедрявшиеся государством или общественными организациями, помпезные по форме, но бездушные по содержанию, проводились как мероприятия для отчета, не оставляя по себе памяти. Им в настоящее время противопоставляется возрождение народных традиций и обрядов, создаваемых самодеятельно, без административных указаний, проникнутых духом жизнеутверждения, охраняющих и развивающих культурные достижения всех народов, населяющих нашу страну.

Социальная сущность человека неразрывно связана с его социальным существованием. Гражданские обряды и выражают эти новые коллективистские отношения между людьми, реальные отношения личной и общественной жизни, знаменательные даты и события. Возрождая народные традиции, включая элементы национальных обычаев, советское общество создает новые обряды, ритуал которых не содержит ничего таинственного, в то время как содержание их понятно каждому. Именно на этом и основывается эмоциональное отношение к ним людей, участвующих в обрядах.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Клавдиевич Субботин

Православные таинства

Заведующий редакцией **О. А. Белов**
Редактор **Н. А. Баранова**
Младший редактор **Е. Н. Румянцева**
Художник **А. А. Солнышков**
Художественный редактор **А. А. Пчелкин**
Технический редактор **Н. В. Ионкина**

ИБ № 7875

Сдано в набор 20.02.90. Подписано в печать 28.05.90. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,25. Уч.-изд. л. 4,76. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 649. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

